

Мария Метлицкая

Стоянка поезда
всего минута

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Стоянка поезда всего минута

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Стоянка поезда всего минута / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2021 — (Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой)

ISBN 978-5-04-116930-5

Жизнь очень похожа на стремительно мчащийся поезд. Мелькают леса, поля, станции. Не успеешь оглянуться – тебе уже далеко за... и ты прекрасно понимаешь, что шансы на устройство личной жизни стремительно тают. И если появился «приличный человек», готовый повести тебя в загс, надо соглашаться. Лиза давно была в разводе. Брак, заключенный по огромной любви, развалился, как только любовь прошла. Все в ее жизни было спокойно и размеренно: взрослая дочь, любимая работа, встречи с подругами, выставки и спектакли. Но вот появился Денис – мечта любой женщины: верный, честный, романтичный ровно настолько, насколько прилична в их с Лизой возрасте романтика. Все вокруг уговаривают Лизу не упустить удачу, прыгнуть в последний вагон. Но почему ей так трудно принять решение?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116930-5

© Метлицкая М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Стоянка поезда всего минута	5
Гуся	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Метлицкая

Стоянка поезда всего минута

Стоянка поезда всего минута

Пройдя обязательный досмотр, Лиза глянула на часы и замедлила шаг: «Уф, успеваю!» Все-таки правильный выбор – метро. Подземка, и только подземка, иначе ничего не рассчитать. Модное слово «трафик» прочно и навсегда вошло в жизнь москвичей.

До отправки поезда оставалось почти пятнадцать минут. Точнее, тринадцать. Серо-красный красавец «Сапсан» уже стоял на положенном месте. Задержек с ним не бывает. Лиза шла по перрону, поглядывая на себя в отражении чистейших, сверкающих окон. «А еще ничего, – усмехнулась она, – для моих «баба ягодка опять» вполне себе вполне, как говорила мама». Это выражение давно стало семейным. Да, вполне себе вполне! Прямая спина, гордая посадка головы, особенно если выпрямить спину и чуть откинуть голову назад. Мама, бывшая балерина, дочке спуску не давала: «Спина, Лизка, спина! И шея! Держи спину и будешь царицей!»

Животик к спине не прилипает, только если втянуть. Но совсем чуть-чуть, без напряжения. Подумаешь! Она не девочка, а рожавшая женщина. В каком-то журнале Лиза прочла, что идеальный женский живот выглядит как перевернутая суповая тарелка. Выходит, у нее все отлично. Да, все отлично – и волосы, покрашенные в рыжину, и кожа. И ноги – балетные, мамины, длинные и сильные. Повезло. А вот все остальное от папы: широкая кость, крупная кисть, не узкие плечи.

– Шурик, тебе не скрыть деревенского происхождения! – шутила мама.

– А я и не пытаюсь, – обижался отец.

Из-за этой широкой кости Лизу не взяли в балет. Как ни упрашивала мама знакомых на приемной комиссии, ей твердо ответили «нет». Слишком высокая, слишком крупная, слишком широкая.

А Лиза и отец были счастливы – ура! Ура, что не взяли! Видели мамины муки и пахоту – нет уж, извините! И вечные страдания по поводу недоставшейся партии, и интриги, и зависть – все темное закулисье. В общем, Лизе повезло – в балет она не стремилась.

Дорожная сумка оттягивала руку. И мама, и дочь уговаривали ехать с чемоданом. Но даже самый маленький чемодан был бы полупустым – ее поездки в Питер, как правило, были двухдневными.

Лиза подошла к восьмому вагону и окончательно успокоилась. Проводница, похожая на стюардессу, проверив электронный билет, улыбнувшись, пожелала хорошей поездки.

Лиза зашла в вагон и стала пристраивать дорожную сумку. «Да, мои правы, надо было брать чемодан! Вещей, как всегда, набралось. Это в молодости можно было сорваться в чем была, что на тебе надето! Но не сейчас».

Сколько же всего женщине надо! Кремы, дневной, ночной и под глаза. Крем для рук. Лосьон для снятия макияжа. Духи, дезодорант. Салфетки влажные и сухие. Лак и смывка для лака – вдруг ноготь облезет или того хуже сломается. Брашинг для укладки. Слава богу, отпала потребность возить с собой фен – в гостиницах он был всегда. Две пары трусиков, два лифчика. Ночнушка – Лиза усмехнулась, – хотя навряд ли она понадобится. Но на всякий случай: Питер город промозглый, а она большая мерзлячка. Ну и таблетки – от головной боли, от живота, от женских проблем. Теперь она ездила с полным набором.

А еще одежда. Две смены уж точно – легкое, теплое, туфли на каблучке, балетки, любимые джинсы, нарядное платье. Плюхнувшись в удобное кресло и сбросив туфли, Лиза вытя-

нула уставшие ноги – она всегда брала место у окна. Эти четыре часа в «Сапсане» она обо- жала. Отдых, передых, пауза – как вам угодно! Но за эти четыре часа можно расслабиться и постараться ни о чем не думать. Правда, мысли всегда лезли в голову. Но подремать, почитать журнал, покопаться в телефоне, попить кофе – все это можно! А главное – не бежать, не торо- питься. В общем, счастье.

Да, конечно, у нее бывают выходные. Но в эти дни ее ждут обычные хозяйственные дела: уборка, стирка и глажка, магазины, обед для Маруськи, хотя бы дня на три. У плиты Лиза ста- ралась не задерживаться, считая, что тратить время на готовку – занятие пустое и непродук- тивное. По-быстрому сделать что-нибудь легкое, например, запечь лосось или курицу, сварга- нить супчик, овощной или куриный. В общем, суббота проходила в домашних хлопотах. А вечером поездка к маме, иначе не сносить головы.

В воскресенье наконец можно отоспаться, отваяться до ломоты в спине, долго и бес- толково бродить по квартире, застывать у окна и снова мечтать об одном – рухнуть в родную кровать. Но вряд ли – как правило, объявлялись Сонька или Дашка, и начинались уговоры. Сонька вопила, что надо пойти в кабак, чтобы почувствовать себя женщиной. Да, да, наря- диться, накраситься, встать на каблуки и – вперед, под обстрел мужских взглядов!

– Какой там «обстрел»! – пыталась остановить ее Лиза. – Ты спятила? Мы ж почти бабушки! И уж точно тетки! Ты оглянись, сколько вокруг молодых! Обстрел! Рассмешила.

Но засидевшаяся дома с детьми подруга продолжала настаивать.

Сонька не работала, у нее имелся небедный и успешный муж. Дом ей надоел до чертиков, несмотря на домработниц и нянь, ну и вообще Сонька давила. Всегда. Сопrotивляться ей было сложно.

Лизе, ежедневно наряжавшейся, ежедневно встающей на каблуки и ежедневно накладывающей макияж, хотелось побыть дома. В халате и тапках, с умытым лицом.

Дашка, разумеется, предлагала культурную программу – концерт или выставку, театр или на крайний случай кино. Она злилась:

– Твоей Соньке только б пожрать! Нет, Лиз! Мы же приличные женщины – сначала пир духа, а уж потом все остальное. Вот после культурной программы можно зайти в кондитерскую и выпить кофе с пирожными.

Дашка была одинокой, ни мужа, ни детей. Деньги, конечно, считала – сколько зарабаты- вает врач в поликлинике? Жизнь Лизиных душевных подруг – Дашка – со школы, а Сонька и того раньше, с самого детства, с детского сада, – была такой разной. Какое там понимание!

Впрочем, Дашка всегда злилась на Соньку, презрительно называя ее нуворишкой. Луч- шие подруги, они ревновали друг друга всю жизнь. И вечно делили бедную Лизу.

Сонька была громкой, напористой, даже нахальной. Дашка настаивала, что все это деньги. Именно деньги сделали Соньку такой. Лиза считала, что деньги ни при чем. Уже в четыре года Сонька, коренастая, плотная, была заводилой и командиром, самой напористой, громкой и непослушной в детсадовской группе. От отца-армянина ей достались черные, как южная ночь, глаза, смоляные густые волосы и выдающийся нос. Впрочем, нос она исправила как только закончила школу.

Сонька росла в достатке – папа дантист, мама бухгалтер. И где – в самом ГУМе. У Соньки всегда были лучшие тряпки, лучшие курорты и лучшая еда в холодильнике. Она не знала, что такое жить на зарплату.

Дашка – полная противоположность. Тихая, скромная, молчаливая. Пепельная блон- динка с серыми глазами, худенькая, как веточка.

Дашка жила с мамой, тихой и скромной женщиной, корректором в журнале «Работница». Жили они более чем скромно – что там зарплата корректорши?

Дашка с гордостью говорила: «Мы не из тех, кто *умеет* жить!» Лиза понимала, что это камень в Сонькин огород.

Сонька рано вышла замуж – сосватали армянские родственники. Сосватали очень удачно – муж, не без помощи обеспеченной родни, большого и дружного клана, быстро разбогател, и через два года Сонька стала владелицей хором на Сретенке и коттеджа на Новой Риге. Двухкомнатный кооператив в районе Калужской, построенный папой-дантистом, продавать не пришлось – зачем, денег хватало. Его оставили «на потом», «для девочек», Сонькиных дочек – Анаит, которую все звали Анькой, и Дианки. Обе получились красотками. Сонька ныла, что дети забрали ее молодость и лучшие годы, жила в вечной войне с прислугой и нянями, дни проводила в салонах красоты и магазинах, а вечером падала с ног: «Как я устала!»

Сонька воплотила в себе все черты новых русских жен, но яростно от этого отбивалась: «Я? Да вы что? Идиотки!»

В Соньке многое раздражало – и фанфаронство, и нахальство, и нежелание знать, что бывает не так, по-другому. Но Сонька была частью жизни, счастливым детством, закопанными секретиками с разноцветной фольгой, с коллекцией картинок от жвачки и жаркими вральными перешептываниями во время тихого часа – Сонька всегда была фантазеркой. И еще она была доброй, отзывчивой, готовой в ту же минуту прийти на помощь. И не была болтливой – прекрасное качество!

Дашка жила в Сокольниках, в квартире, завещанной бабушкой. У нее время от времени случались небольшие романы, но чтобы серьезно, до ЗАГСа, увы, не случилось.

После тридцати Лиза и Сонька уговаривали Дашку родить. Но та отвечала жестко:

– Без отца? Никогда. Я сама росла без отца и помню все свои комплексы.

Глупость, конечно.

Вот Лизин отец, здоровый и крепкий спортивный мужчина с отличными, как все считали, деревенскими генами, скоропостижно скончался, когда ей было пятнадцать.

На похороны съехалась вся подмосковная родня, и кто-то сказал – Москва его ваша сломала, переломила хребет.

Глупости. Отец обожал город и быстро в нем прижился. Да и деревенским простачком он не выглядел – высокий, благообразный, фактурный мужчина.

Кажется, мама его всегда ревновала.

После его ухода и Лиза и мама были раздавлены – как же так? Отец был всегда силой, защитой, кормильцем.

Спустя четыре года Лизина мать неожиданно вышла замуж за старого поклонника, скрипача из театрального оркестра, вдовца. Обиду свою Лиза скрyla, понимая, что она скоро уйдет в свою жизнь, оторвется, и мама останется совершенно одна.

Скрипач был человеком тихим и Лизу не беспокоил, но его присутствие в квартире, где раньше жил папа, было невыносимым. В девятнадцать Лиза выскочила замуж, но не для того, чтобы сбежать из дома, а по огромной любви.

После свадьбы, дурацкой и пышной, сытой и пьяной, купеческой, молодые, на радость скрипачу, сразу уехали в квартиру молодого мужа – на выселках, у самой Кольцевой, зато в свою. Спасибо свекрам.

Лиза глянула на часы – до отправления поезда осталось всего три минуты. Через три минуты поезд отправится, а через четыре часа с небольшим она выйдет на Московском вокзале.

Лиза прикрыла глаза, но тут же открыла – на соседнее сиденье кто-то плюхнулся. Не сел, а именно плюхнулся, с громким вздохом и ворчливым бурчанием.

Лиза глянула на ворчунью – это была ярко-рыжая, очень худая, даже костлявая, женщина с бледным, острым лицом, усыпанным редкими, крупными и темными веснушками. Рыжие волосы были закручены в небрежную гульку, на лице ни грамма косметики, руки некрасивые, натруженные, рабочие. В общем, тетенька не из офисных. Старые, провисшие на заднице

джинсы и простая, «бесхитростная», как сказала бы мама, майка, выгоревшая, блеклого сиреневого цвета, промокшая под мышками.

Незнакомка еще долго ерзала, суетливо перекладывая сумку с места на место, пару раз бегло глянула в телефон и наконец утомилась, достала из сумки салфетку и вытерла влажное от пота лицо.

– Еле успела! – доверчиво поделилась она. – Прямо задрали!

Кто «задрал» Рыжую – так Лиза окрестила соседку, – уточнять не хотелось. Вежливо кивнув, она отвернулась к окну.

Уже тронулся поезд, а два места напротив по-прежнему оставались незанятыми.

Завибрировал выключенный телефон – Маруся.

– Мам, ты уже в поезде?

– Уже тронулись.

– Кто тронулся? – сострила Маруся.

– Да все, – в тон ей ответила Лиза. – Я, кажется, точно.

– Ты – нет, – уверенно ответила дочь. – Ты, мам, в порядке! И вообще, расслабляйся и отдыхай! Ни о чем не думай, слышишь? Короче, на все забей!

– Слышу. Но думать буду – прости. Да, Маруся! Бабушке позвони, сегодня и завтра, не забудь, ты меня слышишь?

– Слышу, – недовольно буркнула дочь. – Как же, забудешь! Бабушка тут же напомнит!

Последнюю фразу Лиза оставила без комментариев – бесполезно. Бабушка и внучка расходились по многим вопросам. «Теряется связь поколений», как говорила умная Дашка.

– И еще, – взмолилась Лиза, – Мань, чтоб без погромов. Чтоб все культурненько, слышишь?

– Мам, хватит, а? – Маруся почти обиделась. – Когда это, интересно, были погромы?

– Всегда, – грустно ответила Лиза.

Хмыкнув, Маруся припечатала:

– Ага! Мам, ну ты в старости стала как бабушка, просто один в один. – И тут же разъединилась.

«В старости! Вот же засранка! Не дождетесь! Я вам еще покажу! И я, между прочим... невеста!»

В эту минуту к ним подошла еще одна попутчица. Женщина неопределенного возраста, Лиза назвала бы ее так. Есть такие – не поймешь, тридцать, тридцать пять или сорок. А может, и сорок пять.

Ухоженная, модная, одета скромно, но дорого, в этом уж Лиза разбиралась прекрасно. Новая соседка была немного полновата – совсем чуть-чуть, пара лишних кило, – слегка и умело подкрашена, на красивых, ухоженных руках неброский маникюр. На ней были легкие серые льняные брюки и черный шелковый топик. Скромные серьги в ушах, пара невзрачных, на первый и неопытный взгляд, колец. Но колечки были от Картье, а серьги от «Шопард». Лизу, рекламщика в глянцево-журнале, на мякине не проведешь. И часики тоже не отставали – в переносном, конечно же, смысле. Скромные часики тысяч за десять, не меньше, зеленых. Образ завершали черная сумка «Фурла» и черные замшевые туфли. В общем, тонко, со вкусом и явно недешево. Лицо неброское, довольно блеклое, очень бледное, но миловидное. Накрась по сильнее – будет красавица. На таких лицах можно нарисовать все что угодно.

Не суетясь, дама уселась и принялась смотреть в окно. «Само спокойствие, сама уверенность, само достоинство, – подумала Лиза. – Чувствуется, что у нее все хорошо. Приятная. С ней точно не будет хлопот, в отличие от Рыжей». И Лиза назвала новую попутчицу Бледной.

А Рыжая ни на минуту не успокаивалась – по-прежнему ерзала тощим задом, яростно тыча короткими пальцами в телефон, строчила бесконечные эсэмэс, что-то бурчала, вздыхала,

закатывала глаза и нервно поглядывала на Лизу – видимо, хотела общения. «Ну и бог с ней, – подумала Лиза и закрыла глаза. – Вот что-что, а общаться мне точно не хочется».

Мысли тут же полезли, как из рога изобилия. Конечно же, милая дочь, как всегда, соберет большую компанию. Нет, Лиза все понимает – когда мама уезжала на гастроли, она тут же приглашала народ. Молодость, бьющие фонтаном силы, жажда общения. Только бы убрали за собой и не валялись на моей кровати. Но понимала, что все будет ровно наоборот.

А как мечталось отключиться и ни о чем не думать – ни о компании Марусиных друзей, ни о Дашке, кажется, впавшей в депрессию, ни о маме, постоянно жалующейся на скрипача и болячки, ни о работе и проваленных переговорах – с французами всегда тяжело. Лиза вспомнила и усмехнулась: «А правильно сказала Рыжая: как все задрали!» Вот бы отключить голову, выключить тумблер на пару часов. Но голову, как телефон или плиту, не отключишь. И мысли лезли, толкались, опережая друг друга, наскакивали и отскакивали, как резиновые мячики, и снова набегали, словно прибрежная волна.

«Подремать бы, – с тоской подумала Лиза. – Но вряд ли получится».

Денис. Да, Денис. Несомненная, по словам Соньки и мамы, удача. Самая большая удача в Лизиной жизни. Удача, с этим не поспоришь – в сорок пять встретить молодого, симпатичного, успешного да и к тому же разведенного, свободного мужчину. Любая женщина мечтала бы оказаться на ее месте. И она это понимает. Только вот...

«Все, все, хватит. Хватит привередничать, вредничать и ворчать. Сонька права, ты счастливица. Нам остались или старики, чтоб судно через лет пять, или молодые альфонсы – так, для здоровья. Ну и последний вариант – женатые. Трусоватые женатики, осторожные до тошноты – все по часам, по строгому расписанию. В отпуск только с семьей, деньги считаны-пересчитаны – в общем, одно унижение и вечное ожидание телефонных звонков и скурых сообщений в мессенджерах».

С Денисом было все по-другому: из питерской интеллигенции, хорош собой, не богач, но зарабатывает. Машинка, конечно, скромная, костюмы не от Ральфа Лорена, пятизвездных отелей не жди, бриллиантов тоже. Но это не главное, верно?

«Тебя любят и тебе сделали предложение, Лизон, почти в сорок пять! Ты вообще это осознаешь?» – восклицала темпераментная Сонька. Дашка, осторожно поглядывая на Лизу, ничего не комментировала. Скажи слово против – Сонька сожрет! Да и мама была от Дениса в восторге: «Какой мужчина! Красавец! А вежливый, обходительный! Не то что твой Лукьянов – уж извини». Леньку, бывшего Лизиного мужа и Маруськиного отца, мама не любила. А Лиза любила. Да как – столбенела, замирала, когда он к ней прикасался. Слышала его голос, и сердце начинало биться как бешеное. Целовала его и дрожала. Как они были счастливы первые годы! Молодые, неопытные дурни. Все промотали, все растранижирили, все разбазарили, все. И любовь свою неземную, и нежность, и страсть. Через семь лет ничего не осталось – как не было! Ни-че-го! Зато в избытке было претензий, недовольств, взаимных обид и скандалов. Как они орали друг на друга! Кошмар. Сколько наговорили друг другу гадостей, как оскорбляли друг друга! Лиза не узнавала себя – как я могла? Как мог он, ее Ленька? Как они могли размывать, растерять, уничтожить? Истоптать и зарыть – как?

«Мы рано встретились, – спустя много лет говорила Лиза. – Если бы были чуть опытнее, чуть старше, смогли бы ценить то, что имеем».

Но было как было, и, устав от бесконечных скандалов, Лиза твердо решила развестись. Казалось, что впереди еще столько всего – ого-го! Она еще молода и наверняка устроит свою жизнь, еще полюбит и будет счастлива. А эти изжеванные отношения – к чему их беречь? Выкинуть, как сухую корку от выжатого лимона, от которой на пальцах остается одна горечь.

Ленька не возражал – согласился так быстро, что она удивилась. В общем, развелись.

Ленькино благородство не знало границ. Как бы ни убивалась свекровь – и ее можно было понять, – квартиру он оставил жене и дочери. Маруська, дочка и внучка, – вот главный

Ленькин аргумент. И свекровь, обожавшая Маруську, смирилась. Смирилась, но не уставала повторять и напоминать бывшей невестке о Ленькином благородстве.

Четыре года он приходил к Маруське, и, уложив дочку, они шли пить чай и принимались говорить обо всем и ни о чем, как будто по-прежнему вместе.

Неужели еще друг друга любили? Да нет, вряд ли. Ленька давно жил в гражданском браке, а Лиза наслаждалась свободой, покоем и тишиной.

На выходные Маруську разбирали бабушки, и Лиза балдела одна. Приезжали девчонки, Сонька и Дашка, готовили салатки, пили винцо и болтали о жизни. Молодые, здоровые, полные сил и надежд.

После тридцати пяти Лиза поняла, что не все так радужно – кавалеры-то были, а вот серьезные отношения почему-то не складывались.

Да и она не хотела.

А уж после десяти лет свободы о замужестве и вовсе думать перестала – сколько сейчас таких, как она: стройных, красивых, ухоженных, модных, хорошо зарабатывающих и плотно стоящих на стройных ногах? Миллионы. И все одиноки. Точнее – не замужем.

Маруська дружила с отцом, у которого в новом браке было два сына. Бывший муж никогда от Лизы и Маруски не отказывался, всегда помогал, с его новой женой у дочки отношения сложились, и она часто гостила в новой семье.

Мама по-прежнему жаловалась на мужа, скрипач старел, дряхлел и день ото дня становился все капризнее и занудливее.

Лиза, устав от маминых жалоб, предлагала ей развестись:

– Зачем он тебе, какая от него радость? Бегаешь кругами, подаешь, убираешь, а он с кривой мордой. Да гони его в шею!

Мама плакала и отвечала одно и то же:

– Ой, да ладно тебе! Все мужики одинаковые, особенно в старости – спроси кого хочешь! Все ноют, все жалуются и все треплют нервы – не я, Лиза, первая и не я последняя! С кем ни поговорю – у всех одно и то же! – И мама принималась перечислять подруг и знакомых.

– Тебя это утешает? – возмущалась дочь. – Тогда терпи. Терпи и не жалуйся.

– Как ты не понимаешь, Лиза, – обижалась мать. – Женское одиночество – страшное дело. Особенно в старости. У вас, у детей, своя жизнь, и это нормально. А нам? Что остается нам? Морочить вам голову, отвлекать вас от дел? Одной, Лиза, невыносимо! Женщина должна о ком-то заботиться.

– Заведи собаку, – не соглашалась Лиза. – С ней будет меньше хлопот и больше радости, точно тебе говорю.

Почти неделю не разговаривали, мама крепко обиделась. Потом, конечно, простила.

Одиночество страшное дело? Вот этого Лиза не замечала, ей-богу! Какое там «страшное дело»? Вот ей – нет, правда, – ей просто отлично. Дочка, работа, подруги. Гордость, что может сама себя содержать. Себя и дочь. Путешествия, посиделки в кафе, театры, прогулки – чем плохо? Как она может жаловаться на жизнь? У нее все сложилось. Но главное – у нее есть свобода. А что называется «для здоровья» – так это только стоит захотеть. Она еще ого-го!

Опоздавшая соседка дремала.

По вагону поплыл запах кофе. Сглотнув слюну, Лиза открыла глаза – так и есть, проводницы медленно катили тележку с едой. Впрочем, разве это еда – так, перекус.

Плотно, как в корсет, затянутые в прозрачную пленку сэндвичи – многослойные треугольнички ватного хлеба, проложенные соленой семгой, бледной ветчиной или сыром, лист салата, пару кружков помидоров, маринованный огурец и майонез. Шоколадки, панкейки, вафли, орешки. Напитки и кофе – это самое главное. Лиза была кофеманкой.

«Перекушу, а уж вечером посидим в нормальном месте. Сама виновата, взяла бы пирожки из столовой, они там отличные. И уж точно лучше этих дорогих и безвкусных сэндвичей».

И Лиза стала искать кошелек.

Сумка, огромный, бездонный баул, была черной дырой. Как смеялся Денис, найти в ней можно все, от шляпной булавки до осколка метеорита. Кошелек, как всегда, успешно прятался. Тем временем Рыжая закричала, зашевелилась. Потянуло запахом пота – она стягивала с верхней полки огромную сумку. Долго копалась, и в конце концов на столике выстроились пакеты и контейнеры, восхитительно пахнувшие домашней едой.

Ловко и быстро распотрошив их, соседка посмотрела на Лизу. Та, забыв про кошелек, с удивлением уставилась на яства. В плоской одноразовой миске лежал распластанный, словно распятый, цыпленок табака, дразня золотистой прожаренной корочкой и восхитительным запахом чеснока. Салат из редиски, огурца и яиц, заправленный сметаной, Лизин любимый. Маленькие, загорелые, размером с крупный пельмень, пирожки. «Ничего себе, а? Как серьезно человек относится к еде, не то что я», – подумала Лиза.

Ловко, привычно, со знанием дела, Рыжая сервировала стол. Проснулась вторая соседка и так же, как Лиза, уставилась на еду. Они с Лизой переглянулись.

Тележка остановилась возле их кресел.

– С лососем? – переспросила проводница. – И кофе? Черный или со сливками? Что-нибудь еще? Бутылку воды? С газом, без?

Пока Лиза думала, какую брать воду, Рыжая толкнула ее в бок:

– Эй, ты чего! Это говно, – кивок в сторону передвижного буфета, – будешь жрать? Да за такие деньги? Ты что, офигела?

Остолбенев, Лиза буквально лишилась дара речи.

– Брось! – продолжала Рыжая. – Смотри, сколько еды. Как раз на троих. Зря я, как думаешь?

– Спасибо, – выдавила смущенная Лиза. – Но с какой стати? Да и вообще...

– Кончай выпендриваться, – энергично сказала Рыжая. – Одна не потяну, а вот вместе! Глянь, какая цыпа – загляденье! С утра поджарила! А пирожки? С картошкой и с мясом! Вкуснота! Нет, я себя не нахваляю, но пирожки у меня получаются! Давай, *присовокупляйся!* – видя Лизино смущение, повторила она и, бросив взгляд на Бледную, кивнула: – И вы, женщина! Хорош, бабы, смущаться!

Фыркнув и порозовев от смущения, Бледная отказалась:

– Большое спасибо, я сыта. Поела перед поездом.

Рыжая пожалала плечом:

– Дело хозяйское!

Растерянная Лиза мяла в руках тысячную купюру, пытаясь отдать проводнице деньги и получить свой заказ.

– Проезжайте, девушка, – обратилась Рыжая к проводнице. – Люди-то ждут!

Лиза откинулась на сиденье. «Бесцеремонность. Простота, которая хуже воровства. Нет, я понимаю, она от чистого сердца! Но нельзя же так, танком, на взрослых людей. Куда там маме – той еще учиться! Неужели я в свои сорок пять не имею права решать, что мне нужно?»

Но есть очень хотелось. Броситься за передвижным буфетом и взять себе сэндвич? Неловко. Остаться голодной – начнет болеть голова. Вспомнились обычные мамины слова: «Ты, Лиза, только с виду такая шустрая, а на деле...»

Мама права. На деле она была полной тряпкой.

Сонька с недоумением восклицала:

– Как ты, Лизон, вообще работаешь, как тебя до сих пор не сожрали! Ты же не можешь за себя постоять!

Лиза смеялась:

– Просто я хороший работник!

– Лизка – человек интеллигентный, тебе, Соня, этого не понять, – вредничала Дашка.

Да, это было, было – всегда боялась кого-то обидеть, задеть, ненавидела сплетни, интриги и никогда не принимала в них участие. Знала, понимала – надо быть жестче. Такой нынче мир – не ты, так тебя.

Да, красивая, современная и успешная женщина – подумаешь, прежде чем подойти. Но в душе – а Лиза все про себя понимала, – в душе она по-прежнему оставалась робкой и вечно сомневающейся маленькой девочкой.

– Ну что застыла? – подала голос Рыжая. – Давай налетай!

И Лиза, проговорив «спасибо», принялась за еду.

Цыпленок был так хорош, что она не удержалась и вслед за хрустящим крылышком взяла кусок грудки. И любимый салат был превосходным – со свежей, густой, наверняка рыночной сметаной. А пирожки! Лиза не помнила, ела ли она когда-нибудь что-то подобное!

– Это вы сами? Ну все это... – с набитым ртом спросила она.

Рыжая довольно кивнула:

– Понравилось? Я же тебе говорила! Конечно, сама. Прислуги у меня нет, не по рангу.

Лиза восхищенно проговорила:

– Это что-то, честно! У меня бабушка прекрасно пекла, но чтобы так! Вы талант, не иначе.

– Да брось, – усмехнулась Рыжая. – Какой там талант? Что тут делать вообще? Куренка утюгом придавить, огурцы с редиской нарезать? А вот про пирожки ты права. Мама научила. Она у меня поваром в ресторане работала. Давно, в советские времена. И мамы уж нет, как нет и советских времен. Эх, жизнь...

– По советским временам тоскуете? – с поддевкой спросила Бледная и усмехнулась: – Ну-ну!

– Ага, тоскую. А что тут такого? И ничего в этом не вижу плохого. Ведь как было: езжай куда хочешь – страна огромная. Ни виз тебе, ничего. Медицина бесплатная. Образование тоже. И самое лучшее, надо сказать, образование. Но главное – все друг друга любили... – вздохнула она. – В гости ходили, к себе приглашали. И детский сад стоил копейки. А там и завтрак, и обед, и полдник, и музыкальные занятия, и физкультура. А пионерлагеря? Что в этом-то плохого?

В лес ходили, на костер. Танцы, кино, кружки всякие. И родители были спокойны – дети присмотрены и накормлены. И билет в кино стоил десять копеек, а пирожное с газировкой еще двадцать. И во дворах все гуляли и никого не боялись!

Усмехаясь уголками рта, Бледная в дискуссию не вступала. Уже хорошо. Лиза боялась конфликтов и споров. Она поспешила закрыть тему:

– Да ладно, что спорить. И тогда было много хорошего, и сейчас. Ну и вообще, девочки, о чем мы? Три молодые красивые женщины – и про политику. Как бабки, ей-богу!

– А никто и не спорит, – усмехнулась Бледная, – вот еще!

– И правильно, не спорь! – кивнула Рыжая. – Бесполезно. Все равно я права.

Ничего не ответив, Бледная заерзала на сиденье. На ее гладком, ухоженном лице были написаны презрение и раздражение.

«Молодец, что тему не развила, – подумала Лиза. – С этой Рыжей спорить точно не надо!»

Тем временем та снова полезла в сумку и вытащила термос.

– А теперь, девки, по кофейку! С утра сварила, еще горячий. Настоящий, из Италии привезла. Не то что ихняя бурда. – Отвинтив крышку термоса, она блаженно прикрыла глаза. Из термоса, вместе с парком, вырвался восхитительный аромат хорошего кофе. «Ого, из Италии! – удивилась Лиза. – А не подумаешь! Посмотришь и скажешь, что, кроме Тамбова, она нигде не была».

Налив себе и Лизе, Рыжая кивнула Бледной:

– Давай, подтягивайся! Есть не хочешь, хотя бы попей!

Лиза видела, что Бледной хотелось и цыпленка, и пирожков – пару раз она кидала взгляды на накрытый стол, но тут же отворачивалась. «Гордая, не то что я, – подумала Лиза. – Гордая и стойкая. А мне всегда неудобно отказать».

А вот от кофе, настоящего, терпкого, отказаться сил не нашлось.

– Большое спасибо, – с достоинством кивнула Бледная, протянув пластиковый стакан.

Тем временем, хитро подмигнув и оглядываясь, Рыжая вытащила из своей необъятной сумки бутылку коньяка.

– Ну чё, девки? Под кофеек?

Лиза и Бледная растерянно переглянулись. Выпить, чтобы расслабиться? А что, дело. Только как-то неудобно, снова халява. Встрепенувшись, Лиза вспомнила про шоколадку и полезла в баул – хотя бы так. Рыжая разлила по стаканам коньяк.

– За наше бабское счастье, – проговорила она.

Выпили молча. Коньяк быстро растекся по внутренностям, и Лиза почувствовала, как вечная тревога и беспокойство слегка отпускают.

Не выдержав, Бледная смущенно потянулась за пирожком:

– Можно? Простите.

Рыжая, женщина хлебосольная и простодушная, с готовностью пододвинула ей пакет:

– Давно пора. Чего выпендриваться!

Надкусив, Бледная закатила глаза:

– Боже, как вкусно!

Рыжая довольно усмехнулась:

– А ты что думала?

– Нет, правда! Я такого не ела. Рецепт поделитесь?

– Запросто! – Было видно, что Рыжая довольна. – Да чем тут делиться? Обычное дрожжевое тесто, все как всегда! Только раскатываешь тоненько-тоненько и начинки кладешь много. Не жалей, не скупись, как говорила моя мама, тогда и результат налицо.

– Невероятно! – Бледная все никак не могла успокоиться. – И все-таки можно подробнее? Я запишу.

– Валяй! Только я повторяю – все, как обычно! Дрожжи разведи в молоке, лучше, конечно, живые, а не сухие. Масло хорошее, не маргарин. Ну и по списку. Ты что, пирогов не пекла?

– Нет, не пекла – не пришлось, – призналась Бледная.

Рыжая не смогла скрыть удивления:

– А рецепт тебе на что? Если не пришлось, так уже не придется. А вообще как это «не пришлось»? А чего пришлось-то? Ты семейная?

– Семейная, – улыбнулась Бледная. – А не пришлось, потому что сначала мама готовила, а потом, – она смутилась, – кафе, рестораны. А дальше – помощница. Нет, что-то я, конечно, умею. Суп там, котлеты. Но, если честно, без изысков.

– А-а, помощница, – протянула Рыжая. – Прислуга, в смысле? Ну тогда все понятно.

Порозовев и, кажется, смутившись, Бледная подтвердила:

– Ну да. – И повторила: – Помощница.

– Ясно, – не скрывая осуждения, вздохнула Рыжая, разливая коньяк. – За детей, а, девки?

Пусть они будут здоровы!

Все дружно чокнулись.

Звякнула эсэмэска – Лиза полезла в сумку. Денис.

«Любимая, как ты? Что проезжаете? Ровно в четыре уйду с работы, и в половине пятого я на вокзале. Соскучился страшно. Но через три часа заключу тебя в объятия. Надеюсь дожить!»

И три смайлика – один грустный, со слезой, второй со слезой, но веселый и третий с сердечком. Все, как обычно. Лиза ответила смайликом с поцелуем.

Как все предсказуемо! Все его сообщения как близнецы-братья: слово в слово, буква в букву, смайлик в смайлик.

Тоскливо заняло сердце. Положительный герой. Да, все правы: и мама, и Сонька, и даже Дашка, которая тоже считала, что Денис – отличная партия. Да и как с этим очевидным фактом не согласиться? Любовь, конечно, главное, но отрицать очевидное? И при этом, Лиза, не надо забывать – возраст, чтоб его.

Дашка не Сонька. У той были твердые убеждения: мужик должен крепко стоять на земле. Мужик обязан обеспечивать семью. Мужик должен брать на себя ответственность. Мужик должен, мужик обязан, мужик полагается. А любовь? Ну если еще и это, то хорошо. Любовь стояла у Соньки на последнем месте как бонус, как неожиданный презент.

Дашка считала, что тем самым Сонька утешает и оправдывает себя, и упрямо ждала любви, не идя даже на малые компромиссы. А Сонька смеялась:

– Какая любовь, идиотки? Тем более в наши почтенные годы! Жизнь надо *устраивать!* Жизнь! Чтобы поддержка была, уверенность в завтрашнем дне! Чтобы мужик отвечал – за тебя, за детей, за бюджет. Поэтому и сидите в жопе, идеалистки! Ну-ну, сидите, сидите! Все уже просидели. Дырку в стуле просидели. – И Сонька, как мельница, махала руками: дескать, о чем говорить с этими дурами?

Тут вступала Лиза – осторожно вступала, зная Сонькин характер:

– А спать с нелюбимым? А обнимать его, целовать? А духовная близость и общность взглядов?

Бросив на Лизу короткий, но говорящий взгляд – ну с кем ты вступаешь в дискуссию? – Дашка уходила курить. А страстный Сонькин монолог продолжался:

– Тебе сколько? – задавала она Лизе вопрос. На который отлично знала ответ. – Почти сорок пять, я не ошиблась? Какая духовность и общность взглядов? Думаешь, ты вообще будешь с ним говорить? Ага, как же! Нет, будешь, конечно – о предстоящем отпуске, о детях, родителях. О покупках, например, о новом диване. В общем, о всякой херне. Ты мне поверь, я всю жизнь замужем, детка! А про духовность... Ой, Лиз! Ты что думаешь, мы с Гагиком говорим о прочитанном? – И Сонька звонко рассмеялась. – А он вообще читает, мой муж? Он детективы дурацкие смотрит и с Анькой в приставку режется! Так что про общность взглядов – я тебя умоляю! Знаешь... – Вдруг Сонька стала серьезной. – Я вообще не понимаю, что у него в голове. Замуж вышла совсем дурочкой. Сразу родила, потом опять. Мы особо не ругаемся и не спорим. Ты знаешь, что Гагик заботливый, все для семьи. И мне ничего не жалеет – покупай, что хочешь! Квартира, дом, прислуга – все у меня есть, и всего вдоволь. А мне, Лизка, – грустно усмехнулась она, – уже ничего и не хочется. Нет у меня ни желаний, ни мечтаний. Понимаешь? Так вот что я думаю, – продолжала Сонька. – Это, наверное, и есть правильная семья – когда без страстей и без драм, когда я могу на него положиться и точно знаю, что он нас не предаст. Я не про баб – ради бога, не жалко. Есть они у него или нет, я не парюсь, потому что точно знаю – детей и семью он не бросит. А все остальное – фигня.

Лиза не стала возражать:

– Ты права, Сонька. Но у всех же по-разному. Ленку я очень любила, а мы разошлись. А ты... В общем, от страсти ты не сгорала, но живете вы прекрасно.

Денис появился в Лизиной жизни три года назад. Познакомились они в Риге, в гостинице. Лиза была в командировке, на переговорах со знаменитой Рижской парфюмерной фабрикой, Денис тоже приехал в Латвию по делам. Видела, как на завтраке он поглядывает в ее сторону. Хмыкнула: «Подумаешь! Нет, мужик вполне симпатичный, но что с того?» А вообще-то было приятно.

Вечером решила пройтись по Старому городу. Надела кроссовки, джинсы, ветровку – как же осточертели все эти офисные костюмы, деловые блузки и каблук!

Выпорхнув на улицу, почувствовала себя молодой и свободной. Закрапал дождик, и Лиза раскрыла зонт. Шаталась по улочкам Старой Риги и разглядывала витрины. Маленькие магазинчики торговали сувенирами и янтарем. Красиво. Янтарь как мед – теплый, живой. Но купить себе Лиза не решилась – не ее стиль, совсем не ее. Ей шли маленькие золотые сережки, узкие, тоненькие колечки и легкие, изящные, невесомые браслеты. Разве что маме? У мамы тоже тонкое, изящное запястье. Массивный браслет точно ей не пойдет. Кольцо – тоже вряд ли. И бусы мама не носит.

Все же Лиза зашла посмотреть. Толкнула дверь, звякнул колокольчик, и она увидела давешнего соседа по столику – тот стоял у прилавка. И ей почему-то стало безумно интересно, что покупает этот высокий, светлоглазый, симпатичный мужик.

Умело раскладывая товар: браслеты, серьги, колечки и бусы, – мило улыбаясь, старательно хлопотала молодая хорошенькая продавщица.

Мужчина был явно растерян. Он обернулся на звон колокольчика и увидел Лизу. Широко улыбнувшись, поздоровался и немного смутился:

– Вот... выбираю подарок сестре. На юбилей. Но... совсем растерялся... Вы мне не можете?

От неожиданности и Лиза растерялась и глупо переспросила:

– Кто? Я?

Вопрос был детским, дурацким, и она тут же взяла себя в руки.

– Ну конечно. Чем, как говорится, могу. Хотя вкусы у всех разные, да и вам виднее. Ну и потом, – растерянно протянула она, перебирая браслеты и бусы, – надо понимать, что человеку идет и что ему нравится. Вот мне, например, – чуть запнувшись, она глянула на него, – мне нравится янтарь. Но носить его я не буду. Это камень не мой.

Увидев, что ей нашли замену, продавщица фыркнула и отошла в сторону.

А Лиза все еще сомневалась: как советовать, когда не знаешь человека и его вкус? Встрепенувшись, новый знакомец достал телефон.

– Вот она, моя дорогая сестрица. Женщина крупная, почти с меня ростом. Ну и вообще... большая. И носит все крупное, броское. И правильно – мелкое на ней незаметно.

Лиза мельком взглянула на фотографию: действительно сестра, они были очень похожи.

– Теперь вы упростили задачу, – улынулась Лиза. – Стало куда проще.

Минут через двадцать они наконец выбрали крупный браслет и такие же бусы. Выйдя на улицу, с наслаждением вдохнули свежий воздух – после дождя неожиданно потеплело, и показалось, что повеяло морем.

Но море и Юрмала были на следующий день, а в тот вечер они долго сидели в кафе, пили кофе со знаменитым рижским бальзамом, снова бродили по Старому городу. Проголодались, присели в кафе, съели горячую пиццу и только потом побрели в свою гостиницу. Лиза поймала себя на мысли, что говорить можно с ним обо всем – о работе и о политике, о дочке и маме, о погоде и сувенирах – словом, темы они не искали. С Денисом было приятно разговаривать и не тягостно молчать.

Оказалось, что он коренной петербуржец, из очень интеллигентной семьи: папа – профессор-онколог, мама – преподаватель в Репинке. Сестра, которой и выбирали подарок, пошла по стопам отца. А Денис ни по чьим стопам не пошел и, окончив экономический, работал в большой иностранной рекламной компании.

Он рассказал, что был женат и что в разводе давно, почти пять лет, но отношения с бывшей женой сохранил хорошие, есть дочка, и они берегут ее нервы.

Лиза рассказала, что у нее тоже есть дочь, с мужем развелись сто лет назад – брак был незрелым, студенческим, с весьма предсказуемым концом. Но это все давно пережито, и отношения с бывшим тоже хорошие.

Через день она уезжала.

И накануне отъезда любимая Юрмала – пепельный влажный песок, жемчужно-серое море и низкие кривые раскидистые сосны. И оглушительная тишина – туристический сезон давно кончился.

К обеду пошел дождь, нахрапистый и нахальный, и они пережидали его в уютном кафе. Она поймала себя на мысли, что он совершенно не раздражает ее, а такое бывало нечасто. Он корректен и не задает лишних вопросов, к тому же прекрасно воспитан, ну и вообще, как поется в известной песне, «он тот, кто надо!».

Назавтра Денис проводил Лизу на вокзал и не ушел, пока поезд не тронулся.

Она смотрела на него сквозь мокрое, в подтеках от дождя, стекло и думала, что ей не хочется с ним расставаться. «Хорошо бы влюбиться, – подумала Лиза. – Ах как красиво: роман Москва – Петербург!» Это означало поездки друг к другу на выходные, встречи в гостиницах – никаких квартир, никаких борщей и котлет, никаких грязных носков и рубашек, – только ужины в уютных кафе, прогулки, театры. Никакой рутины, повседневности и обыденности – вот этого ей точно не надо! Она заслужила маленькие, уютные, тихие праздники. В общем, сплошная романтика!

Денис покажет ей Питер, и она в долгу не останется – покажет ему родную Москву. Оба свободны, их совесть чиста, они никому не делают больно. Ну и вообще, они из одной песочницы, а это самое главное – у нее было время в этом убедиться.

Так начался их роман.

Постановили: одну неделю приезжает он, в следующие выходные она.

Пару раз Денис останавливался в гостиницах, но Лизе отчего-то становилось неловко, и в один из приездов она пригласила к себе. Так и повелось – счастливая Маруся съезжала к подружкам, а Денис приезжал к Лизе.

Как часто бывает с питерцами, столицу он не любил и слегка презирал – деревня, купечество, дешевый размах, показная широта. В общем, все на понтах.

Она смеялась:

– Ну поехали! Запели свои песни! Ария питерского гостя!

Арбат Денис называл искусственным, показным, «интуристским», как грубо намалеванная матрешка. И Лизино любимое Замоскворечье впечатления не произвело.

– А что в нем такого? Ну домики, ну палисадники. Ничего особенного, все скромно и, кстати, довольно провинциально.

Она обижалась:

– Это у вас снобство и презрение. Вы всегда москвичей считали ниже себя! Как же, вы выросли в культурной столице! Где уж нам, потомкам купцов и мещан!

Он смеялся и обещал Москву полюбить:

– Лиза, ради тебя!

Лиза хмурилась и говорила, что Москва не нуждается в его любви и ее отсутствие точно переживет!

В общем, вели себя как малые дети. Вернее, она вела себя как ребенок. Кокетничала? Наверное. Ей хотелось побыть капризной маленькой девочкой.

А в целом все было прекрасно.

Денис не раздражал ее, не утомлял, не капризничал и не занудствовал.

Все это она очень ценила и все-таки чувствовала облегчение, когда он уезжал.

– Ты просто привыкла к одиночеству и к жизни в бабьем царстве! – кричала Сонька. – Тебя будет раздражать любой, самый святой и щедрый мужик! Ты вообще отвыкла от них.

– Он меня не раздражает, – вяло отбивалась Лиза. – Но мне, наверное, все-таки лучше одной.

Питер, как хорошо воспитанный человек, всегда оставался для нее спокойным, выдержанным, вежливым. Она чувствовала себя гостем, а гость, как известно, расслабляется и отдыхает.

Кстати, она всегда просила гостиницу – нет, разумеется, Денис приглашал ее к себе и даже настаивал, чтобы она останавливалась у него. Но ей не хотелось. Она мечтала остаться свободной и подольше сохранить романтику.

Так и повелось. Денис встречал ее на Московском, и они ехали в гостиницу, маленькую и уютную, к которой Лиза очень скоро прикипела всей душой и даже почувствовала себя почти как дома. Через полгода, получив хорошую скидку, она попросила оставлять за ней один и тот же номер. Ей, конечно же, не отказали.

В гостинице она принимала душ, переодевалась – Денис ждал ее в крохотном лобби, – и они выходили в город. В Питере можно бывать бесконечно. Жизни не хватит, чтобы все увидеть.

У них уже были любимые ресторанчики и кафешки, любимые места в городе, любимые места за городом.

Денис был нежен и обходителен, услужлив и предупредителен – словом, в общем, претензий к нему у Лизы не было.

Правда, пару раз он забывал оплатить гостиницу, но она не стала напоминать. Забыл или проблемы с деньгами – какая разница, он не олигарх, и он ее не обманывал.

Да и букеты его были более чем скромными. Но и это суцкая ерунда – она понимала, что поезда и кафе, такси и гостиницы, музеи и театры не всем по карману, и старалась не обращать на мелочи внимания. К тому же она знала, что квартиру Денис оставил бывшей семье и теперь у него ипотека. Так что ждать зафрахтованной яхты, гавайской гитары, номера, усыпанного лепестками роз, и бриллиантового колье не приходилось. Да и на черта ей это колье! Ну и вообще не все способны на жесты. Есть люди с широким размахом, а есть и другие.

А если прикинуть, то положительного в нем было намного больше, чем отрицательного. Так что смешно говорить про гостиницу.

Что же касается совместного отпуска, то Лиза сама настояла, что свою путевку она оплачивает сама, а кафешки и экскурсии он.

И Денис, недолго раздумывая, согласился.

Перед поездкой он долго копался в интернете, тщательно выбирая рестораны и экскурсионные туры. Почему-то Лизу это раздражало, но она брала себя в руки. Он не ворует и не сидит на нефтяной трубе, он не банкир и не чиновник.

Как-то Лиза поделилась с Сонькой.

Все выслушав, та успокоила Лизу.

– Ну да, жлобоват. Нет размаха. Ну и черт с ним! В конце концов, это не главное. Да и потом, – продолжила она, – ты и сама прекрасно зарабатываешь. К тому же ты у нас гордая и самостоятельная, верно? Вот и успокойся. Должны же быть у человека недостатки.

Однажды Дашка спросила:

– Лизка, а ты его любишь?

Лиза скривилась:

– Дашка, не начинай, умоляю. Тебе надо к Соньке на курсы – она тебе все объяснит, все разложит. И про неземную любовь, и про устройство жизни!

– Мне к Соньке не надо, – отрезала Дашка. – А про любовь... Я все поняла. Но он же хороший, да? Может, полюбишь?

– Может, – задумчиво проговорила Лиза. – Я Леньку очень любила, ты знаешь. Нас как под током трясло. Страсти кипели – и что? Где Ленька, семья и наша любовь? Правда, и возраст тогда был другой, это да. А сейчас, Даш, Сонька права – лотерейный билет, последний вагон. Успею – на старости лет не буду одна. А не успею... В общем, ты поняла. Короче, Даш! Надо успеть. К тому же он и вправду хороший.

И Сонька, и Дашка, и мама, и даже Маруська – все были счастливы за нее и мечтали о скорой свадьбе.

Через полтора года Денис сделал предложение.

Растерявшись, она попробовала отшутиться. Но он был серьезен как никогда.

– Лиза, – в его словах слышался упрек, – это не повод для шуток. Это жизнь, моя и твоя. И знаешь, я больше не хочу разочарований и боли. И поверь, я долго думал! Взвешивал, прикидывал, сравнивал – уж прости! Ну и решил. Мне с тобой хорошо. Очень хорошо и очень комфортно. Тебе, кажется, тоже. Я тебя люблю, хочу и уважаю – три в одном, Лиз. И мне это нравится. – Помолчав, он вымученно улыбнулся: – В общем, жду приговора!

– Спасибо за доверие, – улыбнулась Лиза. – Ты прав по всем пунктам. Нам хорошо вместе. Но, – она помолчала – какое, прости, дурацкое слово «комфортно». Комфортными бывают новые туфли. Или там... платье. Стул, кресло, кровать! А в этом случае ключевое слово другое.

– Да, извини! – Денис окончательно смутился. – Ты права! Довольно дурацкое слово. Дурацкое, но вошедшее в наш обиход. Ты ждешь от меня признания в любви?

Лиза молчала.

– Так вот, Лиза. Я тебя очень люблю.

– Очень? – рассмеялась она. – Прости за тавтологию, но «очень» здесь как-то не очень!

И тут же отругала себя: «Ну что я к нему привязалась? Что вытягиваю из него то, что хочу услышать? Я же всегда говорила, что форма не главное. Он смущен, ему тоже непросто, что ты хочешь? А привязалась ты, матушка, потому что боишься дать ответ. Вот и все объяснение».

– Я люблю тебя именно очень! – Он улыбнулся. – И меня это, в отличие от тебя, совсем не смущает.

Лиза подошла и положила голову ему на грудь.

– Прости, я от смущения, – прошептала она.

– Я тоже, – сказал он примирительно.

А через пару минут разговор перешел в деловую плоскость – оставим эмоции, они взрослые люди и у них куча проблем. Все не так просто. Первое – работа.

– Ты не можешь оставить свою, я не оставлю свою, – перечисляла Лиза. – А поступиться кто-то должен! Второе – Маруська. Она студентка, ей учиться еще два года. Переехать в Питер и перевестись в другой институт? Это вряд ли. Она ни за что не согласится: подружки, кавалеры, Москва. Она взрослая, и не считаться с ней я не имею права. Потом мама. Мама уже пожилая и не очень здоровая. Да, у нее есть муж, но толку от него... Ты ж понимаешь. Как я ее оставлю? У тебя то же самое – родители, работа, дочка. Мы не юнцы, броситься в омут уже не для нас. К тому же мы отвечаем за близких. – Лиза взглянула на Дениса. – Молчишь... И правильно делаешь. Как говорил мой отец, здесь с кондачка не получится. И ты не знаешь, что делать.

В общем, на этом застряли. Никто не хотел, да и, казалось, не мог обрубить прежнюю жизнь и переехать в другой город.

«В конце концов, я замуж не тороплюсь, – думала Лиза. – Хочет – пусть переезжает. А мне и так хорошо».

К этим разговорам они без конца возвращались. А после них были раздражение и даже обиды.

– Из-за любви люди переезжают в другую страну, – повторял Денис.

«Из-за любви, – про себя усмехалась Лиза – Вот именно: из-за любви». События она не торопила. Ждала, что жизнь сама все разрулит – кстати, так было сто раз! А внутри все равно точило. Решение принимать надо, необходимо. Что за детские игры? Она взрослая женщина, и нечего прятать голову в песок. Пришла пора.

Накануне ее приезда Денис сказал:

– Лиза, милая. Жизнь утекает. Мы не молодеем. В общем, хватит тянуть. Надо устраивать жизнь. Хватить оттягивать и что-то придумывать.

В ответ она опять что-то заканючила, заныла, в сотый раз повторяя, что дело в Маруське и в маме да и в работе – такими заработками не бросаются.

Но он ее перебил:

– Лиза, не надо! Хватит, ей-богу.

Он прав. Объяснить ему, что замуж она не стремится? Что ей и так хорошо? Что ее вполне устраивают их отношения? Что ей неохота гладить рубашки и тушить мясо, без которого они с Маруськой прекрасно обходятся? Что ей, наконец, страшно? Что ей, наконец, страшно?

Что делать? Да, и еще! Если она не готова, то зачем ехать в Питер? Можно все сказать по телефону, так даже проще. Может, что-то придумать, оттянуть, опять оттянуть? Например, сказать, что она заболела. Хотя, конечно, смешно.

После долгих раздумий все же решила ехать. Побудут два дня вместе, поговорят еще раз, а решение она примет по ходу пьесы – сердце подскажет.

Но на сердце были тоска и тревога.

Никто ей здесь не советчик. Ни мама, ни Сонька, ни даже Дашка.

«Это твое решение, Лиза, – сказала она себе. – Ты давно взрослая девочка».

Звякнула эсэмэс.

«Осталось чуть меньше трех часов. Время тягуче, как засохший столярный клей. Но совсем скоро я тебя обниму! Чем ты ближе, тем я больше хочу тебя поцеловать. Через два часа выезжаю с работы. Да, и еще! Люблю тебя, ты это знаешь».

«Знаю, – вздохнула Лиза и выключила телефон. – И эсэмэс твои знаю наизусть. И ты – увы – повторяешься, мой дорогой. Мой очень приличный, очень порядочный и очень завидный жених».

– Ой, девки! Пьем, жрем, а даже не познакомились!

Вздвигнув, Лиза вынырнула из своих мыслей.

А правда! И надо сказать, и пьем, и жрем угощение Рыжей!

– Мила, – представилась Бледная.

– Лиза, очень приятно.

– А я Тома, Тамара! – обрадованная Рыжая разливала коньяк по бумажным стаканам. – Ой, девки... – мечтательно протянула она. – Смотришь в окно – и жизнь хороша!

Лиза и Мила переглянулись.

– А на самом деле? – спросила Мила.

– На самом? – нахмурилась Тома. – А на самом деле – говно! У меня точно говно! А у тебя – я не знаю.

Ничего не ответив, Мила отвернулась к окну.

– Разная, – миролюбиво вступила Лиза, – жизнь разная. И хорошая, и плохая – всего вперемешку.

– Рада за тебя, – недобро усмехнулась Тамара и повторила: – А у меня сплошное говно!

– Так не бывает, – попыталась возразить Лиза. – Всегда есть что-то хорошее, радостное. Иначе никак! Не бывает, чтобы совсем без просветов.

– Еще как бывает, – отрезала Тамара. – Говорю из личного опыта!

Мила дернулась и, словно отгораживаясь, подвинулась ближе к окну. В диспут она не вступала. Но Лиза заметила, что она сникла, потухла, расстроилась.

– Да! – с некоторой гордостью продолжила Тома. – У меня без просветов! Ну вот сами смотрите.

«Все предсказуемо, – с тоской подумала Лиза. – Сейчас начнутся пьяные сопли, жалобы на жизнь, проклятия в сторону мужа и детей. Непременно пойдет речь о главной из злодеек – свекрови. Дальше подруга-изменница, ну и так далее! Ох, зря мы подписались на скорую дружбу, зря променяли свободу на пирожки! Только этого мне не хватает. – Мельком глянула на часы. – До Питера около трех часов. А это немало... В общем, пришла расплата за вкусного цыпленка и обалденные пирожки».

– Нет, девки, – настаивала Тамара. – Вот вы послушайте! У меня, девки, свой бизнес – не верите?

Вот вам крест! Шубами торгую в Конькове. Начинала все в долг, в девяностые, в самом конце. Думала, если не вытяну – все, мне кранты, порежут на стельки. Время-то было, а? В Грецию эту долбаную моталась, как бобик. Там наторгуешься – до тошноты, до отрыжки. Греков этих возненавидишь. Отберешь, упакуешь, сдашь в багаж. Начинала с пяти, а сейчас все серьезно. Отбираю по каталогам, переговоры по телефону, оплата после доставки – репутация у меня ого-го! Это сейчас у меня павильон большой, в двадцать метров! А раньше? В «Луже» торчали в зной и в холод, убивались из-за пяти долларов. Все себе отморозила, девки, весь первый этаж. Хорошо, что дочка уже была! Потом бы не родила. Бандюков пережила, рэкет. Ох, и трясли нас эти твари. Последнее отбирали. Помню, сидим, режем с девками. Да что там девки – мужики здоровенные плакали. Всем семьи кормить, все в долгах! Это пока я в Коньково выбралась, на новый, можно сказать, уровень... Короче, все здоровье там, в «Луже», оставила. Вечные долги, вечный страх. За все: за бабки, за товар, за семью. – Она помолчала. – Да ладно, девки, что я разнюнилась?

Лиза молчала. Нет, никаких открытий. Все знали и помнили девяностые. Только ей, слава богу, этого пережить не пришлось – еще был жив папа, мама работала, и ее театр ездил на редкие гастроли.

Да, с продуктами было туго, это она помнит прекрасно. Одно время в Москве не было хлеба, и соседка Ирина Ивановна научилась сама его печь и научила маму. Теплый хлеб был мягким и вкусным, а когда остывал, становился каменным.

Лиза помнила, как мама варила «суп из топора» – картошка, пшено, лук с морковкой. Лиза называла его «грустным супом».

Но ничего, пережили. Отец говорил, что человек такое животное, которое ко всему приспособливается.

Лиза спокойно окончила школу, поступила в институт, вышла замуж, и все эти ужасы обошли ее стороной. Дефицит? Да к этому все давно привыкли, подумаешь!

Нахмурившаяся Тамара смотрела в окно.

– Ну все же в прошлом, – поддержала ее Лиза. – Сейчас у вас все хорошо?

– Ага, зашибись, – грустно ответила та. И неуверенно добавила: – Да нет, так все неплохо, наверное. Бизнес идет. Не то чтобы жирую, но в общем справляюсь. Квартира есть, машина тоже. Мир посмотрели – уже хорошо! Разве я, простая девчонка из Королева, могла себе представить, что своими глазами увижу Париж и Мадрид? Что буду плескаться в Средиземном море, есть запеченные мидии и королевские креветки? Да и кто из простых смертных мог это представить? Детство у нас было обычное: сандалии на босу ногу, один сарафан на три сезона, на мороженое еле наскребали! Папка рано погиб, мамка одна тащила меня и двух братьев... Хорошо, что поварихой была, могла что-то вынести, тиснуть... А так бы точно загнулись. Я, когда на ноги встала, маму в Карловы Вары свезла. В самый хороший санаторий – в «Империал», слышали? – Не дожидаясь ответа, продолжила: – Отдыхай, мамка, заслужила! Ванны принимай, прогуливайся по променаду, водичку целебную пей! Наряды себе покупай – бери, что душа пожелает! А она, бедная, стесняется: «Мне, дочуська, ничего не надо, у меня все есть!»

А чего нет – значит, не нужно!» Жалела меня, знала, как мне достается. Кто пожалеет, кроме мамки, правильно? А все просто – не привыкла она к хорошему. Не было времени привыкать. Жизнь прожила – мама дорогая! Ничего не видела – одна пахота, что дома, что на работе. На работе тягала котлы неподъемные, а дома снова к плите.

Да и потом все меня жалела – дочка все время болела, ясли, сад. Это в шесть лет мама ее к себе забрала, в Королев. И из-за муженька моего меня жалела – знала, какой он козлище! Жалела и все говорила: «Брось его, Тома, это ж такая ноша! А ты у меня хрупкая, в чем душа держится!» Ага, хрупкая! – Она рассмеялась. – С виду да, доходяга! А так – попробуй согни!

Женщины удрученно молчали.

Осторожно вступила Мила:

– А может, мама права? Ну, если ваш муж...

– Мама, конечно, права! – перебила ее Тамара. – Только при чем тут мама?

Мила, кажется, пожалела, что неосторожно вступила.

– Мой Серега... – Тома задумалась. – Я же в него в восьмом классе влюбилась. Увидела и обмерла. Все, думаю, пропала ты, Томка! И ничего хорошего из этого не выйдет – это же видно и сразу понятно!

– Сразу? – удивилась Лиза. – Прямо так сразу все было понятно?

Тамара кивнула:

– Ага. Ну смотри: первый хулиган в школе. Двоечник и второгодник. Курит и выпивает с шестого класса. Папашка с мамашкой дурные, дерутся – на весь квартал ор стоит. Сестра шалава, с пятнадцати лет под кустами валялась. Но главное, девки! – Глаза у нее заблестели. – Серега – красавчик! Такой, блин, красавчик, что обхохочешься! Роста нет, ноги кривые – чистый кавалерист! У него даже кличка была – Буденный. Морда темная, смуглая, прямо цыган. А глаза желтые, рысьи. Как глянет – сердце в пятки! И смоляной чуб один глаз закрывает. Да, и еще – нет половины зубов – потерял на полях, так сказать, сражений! В общем, Ален Делон королёвского разлива. Но что самое интересное, – оживилась она, – девки от него штабелями! Ей-богу, первые красотки – и туда же, за мной, доходягой: Серенький, Серенький! А он, этот гад, выбрал меня. Все удивлялись: «Ты, Степушкина, никакая, ни рожи, ни кожи. И ни фигуры – костями гремишь». А он как на танцах меня пригласил, то все, девки, я поняла: мне кирдык! Табачищем от него прет, пивом. Потом подванивает. А я, дура, балдею: глаза закрываю и плыву! В золотой лодочке по волшебному озеру. Вот такие мы, бабы, дуры, – грустно заключила она. – И что? Ну добила я своего, залетела в семнадцать и в загс его потащила. Конечно, он, гад, упирался: «Куда мне жениться, я что, идиот?» Но женился, уговорила. Слезами пол залила. Потом в армию его забрали – и слава богу, иначе бы сел! А я его жду. Танюшку родила одна, без него, маме подброшу – и к нему, в Пермскую область. Напеку пирожков пять кило, чтобы всех угостить. Курей нажарю – и начальникам, и друзьям. Конфет, пряников, печенья всякого. Курева. И прусь, как тягловая кобыла. А путь неблизкий. Доберусь кое-как, с ног валюсь, а смотрю и млею: «Серенький! Мой Серенький, мой законный!» Идиотка... Фотки Танюшки ему подсовываю, вижу – ему по барабану! Но снова оправдываю – молодой. Сама его женила, никто не просил. Вернулся из армии и загулял. Пил месяца три, шлялся и колобродил. По девкам мотался, мне все докладывали. А я одно, как заведенная: «Пусть нагуляется, что он в жизни видел? Пусть отдохнет от казармы». Короче, три года он отдыхал. Я смотрю – морда синяя, глаза безумные, руки трясутся. Ну все, думаю, еще немного – и очокурится, сердце не выдержит. Короче, упаковала его в больничку, подлечила. На работу устроила – я тогда поваром в кафе работала, по маминим стопам. Устроила его к себе, грузчиком, чтоб под глазом. Отмок, в себя пришел, постригла его, одела во все новое – живи, Сережа, и наслаждайся! Только работай, пожалуйста, ну хоть так, для порядка! А то перед соседями неудобно. И перед мамой. А проработал он, кажется, месяцев пять. А потом перестройка эта, все кувырком, весь мир перевернулся. Не одна я растерялась – все! Кинулись кто куда. Но в

основном все торговали. Подружка одна, официантка, меня в Турцию и прихватила. А я его с собой – пусть поможет. Какое! – Тамара махнула рукой. – Искала его по всему Стамбулу. А он, сука, деньги, что я заняла, спер и шлялся по барам, бухал. Друзей себе быстро нашел – и вперед! В общем, девки, везла я его на себе. Сумки клетчатые с барахлом и Серенький мой. – Тамара зашлась от хохота. – Ага, на моем хрупком плече! Выходит, что не такое оно и хрупкое, это плечо. Ой, а сколько потом еще было! Слава богу, что половина забылась!

– Ну а сейчас? – резковато спросила Мила. – Сейчас-то вы разошлись?

Покраснев, Тамара дернула плечом:

– С чего это вдруг? Живем. Как можем, так и живем. Но вообще, девки, – она наклонилась вперед, – короче, я поняла! Я мазохистка! Знаете, что это? Ну типа заболевания, что ли! Так меня дочь называет, Танюшка!

Лиза и Мила переглянулись: кажется, у этой хлебосольной Тамары не очень все дома.

А та продолжала:

– Сейчас-то он выглядит совсем по-другому – зубы мы вставили, причесочку делаем, нарядиками не брезгуем – любит хорошие шмотки! Машины хорошие любит, а кто их не любит? – Тамара откинулась на спинку кресла. – Да ладно бы это – не жалко. Он сейчас ничего, прям красавец, ага. Хотя на него и тогда бабы падали, когда еще был без зубов. Есть в нем что-то такое, девки... – Тамара задумалась. – Трудно объяснить... Он мужик. С виду, конечно! А так – пустота. Но с виду – да, не поспоришь... – Вспомнив, она рассмеялась. – Товарка мне одна в Конькове, Лариска, одинокая, на мужиков смотрит, как волк на ягнят, однажды говорит: «Ты, Томка, его поливаешь и поливаешь! Не нужен – отдай!» А я: «Да пожалуйста, забирай! Если, конечно, пойдет!» И эта дура на полном серьезе вцепилась мне в руку: «Правда отдашь? Прям так возьмешь и отдашь?» – «Ага, – говорю. – Забирай! Надоел мне хуже поноса. Бери!» И надо же, эта дура... Все знали, что она дура, но чтобы настолько? Девки вокруг ржут, переглядываются, а эта как заведенная: «Правда отдашь? Нет, ты поклянись!» А я повторяю: «Да бери, блин! Вещи я соберу, не бойсь! Скажу ему прямо сегодня, что он переезжает к тебе! И все, дело в шляпе». Глаза у Лариски загорелись, подбородок дрожит. Мне даже жалко ее стало. Вот, думаю, до чего одиночество баб доводит! Прямо из рук рвут, без стыда и зазрения совести. А у нее на лице написано счастье – неужели дождалась? Шепчет: «Ты, Том, не бойся. Я буду за ним как за сыном родным! Я чистоплотная и готовить умею! И все подам, все уберу!» Смотрю я на нее и мне страшно. Такая дура или от одиночества? А понять не могу. Тут она мне, как клещ, в плечо вцепилась: «Когда вещи соберешь? Точно сегодня? Ты поклянись! А вдруг передумаешь? Короче, в девять я у тебя, у подъезда, в машине! Успеешь?» И за руку меня, за руку. Так трясет, вот-вот оторвет. Даже подружки мои приутихли. Видят, что дело-то плохо. А девки у нас... На ходу подметки отрежут! Рынок, всего навидались. А здесь поутихли. Глазами то на меня, то на нее. Наташка Кулакова, подружка моя, показывает: типа ты, Томка, поосторожней! Эта, кажется, совсем...

А Лариска все трясет меня, трясет за плечо. И повторяет: «Тамарка, ты поклянись!» И тут я не выдержала – рука разболелась – и ка-а-ак взорвалась: «Ты что, с дуба рухнула? Ты, подруга, совсем ку-ку? Придурушная! В Кашенко тебе прямая дорога! Отдать, говоришь? Поклясться? Ага, счас! Подождешь! Я его, гада, с нуля, с котлована! Все с ним прошла – армию, гулянки, пьянки, баб его чертовых! Одеда, обула, зубы вставила! «Мерседес» купила – новый, между прочим! Внук у нас уже! Внук! Дело к старости, а тут – тебе? Ага, разбежалась. Нет, милая! Так не пойдет! К старости он, может, утихнет, и наконец заживем как нормальные люди! Отцепись от меня!» И с силой сбросила ее руку. Не руку – клешню! Девки стоят кругом, молчат, как в морге. Тишина воцарилась. Я руку потираю, а Лариска ревет. Плечи трясутся, руки ходуном, и слезы, слезы... Бормочет что-то, слов не разобрать, точно умалишенная. Потом поняла: «Ты, Тома, жестокая! Стерва ты, Тома. Разве можно так шутить, так насмехаться?» Господи, думаю! А она и вправду ку-ку! Зря я так. Зря. И так мне жалко стало эту дуреху. А у нее чисто истерика

– икает и зубы стучат. Наташка моя ее увела, водой напоила, смотрю – уже дымят на улице. Ну значит, успокаивается. А Наташка умная, все объяснит. Моя ведь подруга!

А на душе у меня сплошное, девки, дерьмо! Сил нет, как муторно! Зря я так, зря! И так еще стало за нас, баб, обидно! Прямо до слез! Чтобы так нас довести, а? Одна дура все терпит, а вторая... Вторая готова терпеть! Вторсырье подобрать готова, секонд-хенд! А Лариска вполне симпатичная, стройная такая, длинноногая, ухоженная. Все морду колет, филлеры-шмиллеры. А мужика нет. Ни хорошего, ни плохого... Вот такие, девки, дела.

Помолчали. Что-то вспомнив, Тамара продолжила: – Мало того, мой гад играть стал. Начал с ипподрома, картишки по-мелкому. А потом подсел на казино. Ох, сколько же там он оставил! Как вспомню... Мурашки по телу. Думала тогда – рехнусь, не выдержу. Я пашу, а он несет в казино. Однажды приехала, посмотреть захотела. А зря. Правильно говорят: меньше знаешь – крепче спишь. Нет ведь, поперлась, дура безмозглая. Это в районе «Мосфильма» было.

Захожу: полутемно, девки с подносами шныряют, шнапс раздают. А вот и он сидит, мой красавчик! Сидит, мой любимый! Важный такой. Ты чего! Рубашка белая, галстук от Армани, ботиночки итальянские – все как положено. Сигарой попыхивает. Ни дать ни взять буржуин. Таких раньше в журнале «Крокодил» рисовали. Из стакана высокого отхлебывает – наверняка любимый джин-тоник. В руках карты. Вид умный, задумчивый. Брови нахмурил, словно роман сочиняет. Ну, думаю, сука! Сейчас я тебя за волосы! По всему залу протащу, не постесняюсь. И в морду плюну. Я, блин, колбашусь, как рабыня, а ты тут время проводишь! Это его, девки, слова: «Мне же надо где-то проводить время, пока ты на работе. У меня же должны быть увлечения. Скажи спасибо, что не по бабам!» Спасибо ему сказать! Как вам, а? Что не по бабам! Сволочь.

Тут Лиза не выдержала:

– Тамара, простите! Но ведь Мила права: вы женщина состоявшаяся, самостоятельная. Разведитесь – и дело с концом! Зачем же так мучиться? В конце концов, есть еще шанс устроить свою судьбу, – неуверенно добавила она. – А что, все возможно! Или вы его, простите, так любите?

– Я? – выкатив глаза, Тамара задохнулась от возмущения. – Бли-и-ин! Да я его ненавижу! Всю кровь, сволочь, высосал, как малярийный комар. Да, ненавижу, – повторила она и замолчала. – А жить без него... не могу.

Мила сурово нахмурилась.

«Не одобряет – и правильно, – подумала Лиза. – И я промолчу. В конце концов, это ее личный выбор.

Терпит – значит, нравится! Но дочь права – мазохистка. И все-таки странно: так ненавидеть и «жить без него не могу». Выходит, бывает и так...»

Смущенная своей откровенностью, Тамара отерла слезу и улыбнулась:

– Да ладно, девки! Все у меня хорошо. Вон к дочке еду, к Танюшке, к внучку! Прямо руки чешутся взять его. Аж съесть охота – такой сладкий! А смешной! Восемь месяцев, а всех узнает! Увидит меня: «Ба, ба!» И сразу идет, прямо сразу! Молодец, бабку не забывает! А что, приятно. Жалко, что вырываюсь редко, раз в три месяца, больше не получается. Бизнес, что б его! Ой, но какой он смешной! – улыбнувшись, повторила она. – Прямо кукленок! А знаете, девки, кто у моей Таньки муж?

«Девки» молчали.

– Китаец. Ки-та-ец! – по слогам произнесла Тамара. – Вы такое видали? Во идиотка! Китайца нашла! Мало ей русских! наших, русских, нормальных парней! Так нет ведь – китаец!

– И что? – фыркнула Мила. – А чем этот китаец, ваш зять, отличается от ваших русских? Разрезом глаз и кулинарными пристрастиями? Китайцы непьющая и работающая нация, и их есть за что уважать! А ваши русские... извините! Ваш муж, например...

– Да ладно, чего ты наехала? – поспешила оправдаться Тамара. – Чё я такого сказала? Да он ничего, наш Ван Чонг! Ко мне со всем уважением: «Мама, – говорит, – вы мне пельмени, пожалуйста, сделайте, тесто у вас замечательное. Только не с коровой, а с креветками и с ростками бамбука», – рассмеялась Тамара. «Ага, сейчас, – говорю. – Прямо с креветками и с травой. Не с коровой, как вам? Ха-ха. С мясом пожрешь, не развалишься!» Борщ наш не ест, морду корчит. Пирожки мои так, с голодухи. Я Таньке везу, она их обожает. Суп из белых тоже не ест. Варит сам, из каких-то своих, черных, с виду чисто поганки. И все лапшу, лапшу наяривает. Прямо как мы нашу картошку!

– Китайская кухня одна из лучших, – авторитетно заметила Мила. – Лично я ее очень люблю. А мой сын живет с индианкой. Чудесная девочка, я вам скажу. Милая, тихая и уважительная! А наши девицы – хабалки. Им интересны только деньги, и все.

– Ну всех под одну гребенку не надо, – мягко возразила Лиза, подумав о своей Маруське. – Все люди разные.

И подумала: «Какое счастье, что моя не живет с китайцем, индийцем и нашим замечательным русским. Какое счастье, что она еще со мной и, кажется, замуж не собирается. Какое счастье, что у нас такие отношения и мы так любим друг друга».

И тут же поняла, что по дочке успела соскучиться.

– Да ладно вам! – смутилась Тамара. – Что я сказала плохого? И малой у нас замечательный – раскосенький, а глазки светлые! И волосики светлые! Но потемнеют, наверное... А так ты, Мила, права: наш Чонг ого-го! За пять лет на трехкомнатную заработал. У Таньки машина, у него. Няня хорошая, дом хотят строить. Короче, пашет как бобик. Да, и не пьет, – повторила она. – Да, Чонг хороший и Таньку мою обожает. А вышла бы за нашего – пил бы или на шею сидел. Как мой. – Тамара грустно улыбнулась. – У меня только здесь, в «Сапсане», и передых. Четыре часа настоящего счастья – никто не дергает, никто нервы не треплет, природа за окном, тишина. Кресло удобное. Как в отпуске побывала, ей-богу!

Лиза подхватила:

– И у меня! Четыре часа передышки. Крохотный, такой малипусенький отпуск! Вот жизнь наступила!

Мила смотрела в окно. У Лизы звякнула эсэмэс:

«Любимая, уже совсем скоро! Немного задержался на работе, боюсь опоздать минут на пятнадцать. Простиинии!»

И снова знакомые смайлики: улыбчивый с сердечком, грустный со слезой, веселый со слезой. Как все ожидаемо! А может, и хорошо, что ожидаемо? Может, уже не надо сюрпризов?

Одернув майку и брюки, Мила выбралась из кресла и пошла по направлению к туалету.

«Следующая станция Бологое», – объявили в динамик.

Тамара улыбнулась и затаила:

– Бологое, Бологое, Бологое! Это где-то между Ленинградом и Москвой. Помнишь, Лиз?

Лиза улыбнулась:

– Конечно! Из далекого детства.

Вернулась посвежевшая, умытая, чуть разрумянившаяся Мила. Интересно, к кому едет эта грустная и молчаливая женщина?

Может, к любовнику?

Мила уткнулась в телефон. Сосредоточенно писала сообщения, а получив ответное, улыбнулась.

– А ты, Мил? В командировку? – уверенно, считая, что ей должны ответить откровенностью за откровенность, не выдержала любопытная Тамара. – Или так, погулять?

– Я к маме, – сухо ответила Мила. – Я ленинградка, в столицу уехала замуж, сопротивлялась ужасно, но так уж получилось. Привыкала к столице долго, но так, увы, и не привыкла. По Питеру скучаю, как по родному ребенку. К тому же там мама, ей восемьдесят три, почти

слепая, но голова светлейшая. И память. Лучше, чем у меня, честное слово. – Вспомнив маму, она улыбнулась. – Вообще, она у меня умница. Слушает аудиокниги, в курсе всех новинок. Музыку любит, поэзию обожает. С ней живет женщина, сиделка. Но это не то, как вы понимаете. Вот и езжу два раза в месяц на два дня, на три. Как получится. – И погрузневшая Мила отвернулась к окну.

– А чего к себе не забираешь, в Москву? Ты же у нас... небедная. Раз есть прислуга. У тебя дом наверняка, нашла бы место для мамы. Или площадь не позволяет?

Побледнев, Мила в упор посмотрела на Тому.

Лиза сжалась: «Ох, сейчас будет конфликт! И Мила будет права – Тома эта ну во все щели, ей-богу! Думает, если она все вывалила, то и все остальные обязаны».

– Видите ли, Тамара, – с плохо скрываемым раздражением ответила Мила. – Я звала и зову маму к себе, не сомневайтесь. Но мама отказывается. Она, как и я, обожает свой город и недолюбливает Москву.

Лиза усмехнулась: «Ну как же! Еще одни. Как же вы, питерцы, высокомерны, спесивы и тщеславны. Это у вас в крови, мои дорогие!»

– А потом, Тамара, – продолжила Мила, – просторного дома у меня нет. Был да сплыл. Квартира обычная, трехкомнатная. Но, безусловно, если бы мама хотела, место бы ей точно нашлось! К тому же мама жалеет меня, не хочет быть лишней обузой. Говорит, тебе и без меня хватает. И это правда... – тихо добавила Мила. – С двумя мне не справиться.

Растерявшись, Тома молчала. Смущенная Лиза делала вид, что ищет что-то в сумке. Мила смотрела в окно.

– Девки, – первой не выдержала Тамара. – Давайте еще по одной! – И, не дожидаясь ответа, разлила коньяк.

Мила схватила стаканчик и мгновенно его осушила.

– Ох, какие же сволочи, а? – выдала Тома. – Ну как курящему человеку выдержать четыре часа без сигарет, а? Нет, вы мне скажите! У меня прям все гудит внутри, прям колбасит! И главное, в сортире не курнешь – засвистит!

– А вы пробовали? – усмехнулась Мила.

– Я нет, но мне говорили! – отозвалась Тома.

Мила усмехнулась:

– А мне говорили, что ничего не гудит, все вранье. Купите электронную, хоть как-то спасетесь. Кстати, у меня одна есть, новенькая, нетронутая. Хотите?

– Ага.

Из туалета вернулась довольная и Милу поблагодарила от всего сердца:

– А я, дура, не догадалась!

После чего, успокоенная и умиротворенная, плюхнулась в кресло. И тут же, с налету:

– А что у тебя, Мил? Ну, в смысле, дома? Чё, все так плохо?

Пару минут, размышляя, Мила рассматривала соседку.

– У меня, Тамар, муж – инвалид-спинальник. Знаешь, что это такое?

Тома не ответила. Лиза сжалась в комок. «О господи... Кому нужны эти дурацкие вагонные знакомства, эти идиотские откровения, это вываливание грязного белья, своих бед и проблем? Что мы за народ такой – слить на другого? Разве от этого становится легче? Кажется, нет. А вот послекусие остается. И чувство неловкости, даже стыда. И правильно, будет наука. Встретишь такую Тамару – беги со всех ног! Повелись на пирожки и вкусный кофе, идиотки! А она все правильно рассчитала: пили-ели – платите! Слушайте мои бредни и выкладывайте свои, в общем, развлекайтесь и развлекайте». Правда, на расчетливую и корыстную Тома похожа не была, но все равно выходило не очень.

Мила усмехнулась:

– Что, не похоже? Не произвожу впечатления жены инвалида? В общем, в кресле он, – не дождавшись ответа, бросила Мила. – Все время в кресле, после тяжелой травмы позвоночника.

– Ох ты, боже мой, Мил! Ну как же так, а? – воскликнула Тамара.

– Разбился он на горе, в Австрии. Семь лет назад мы были заядлыми горнолыжниками. И семь лет назад наша жизнь перевернулась. Вся наша жизнь. А жили мы хорошо – свой бизнес, все получилось, хоть и не без проблем. Но так у всех. Нет, богачами мы не были. Хотя с кем и с чем сравнивать... А в целом у нас была непростая, трудовая, нервная, но достойная жизнь. Мы поженились студентами, обычными студентами, из обычных семей. У него семья инженеров, у меня учителей. Мы не бедствовали, но и не шиковали. В общем, жили как все.

А тут все сложилось! И началась новая жизнь: поездки по миру, красивые вещи, хорошие машины. Сын окончил хорошую гимназию, поступил в Висконсинский университет. Начали строить дом по своему собственному проекту. Все рассчитали, где, что и как: комната для мамы, комната для помощницы, конечно, для сына и даже для внуков. Сами сажали цветы и деревья, сами стригли газон. Мы очень любили свой дом, очень холили каждый уголок, каждую веточку, каждый цветочек. Радовались первому яблочку, мелкому, кислому. – Вспоминая, она улыбнулась. – Ну а потом эта беда. В госпитале я молила бога об одном – только бы он остался на этом свете. В любом виде, в любом состоянии, только бы жил! Мне сразу сказали – ходить он не будет. Но с головой и с руками все хорошо. Боже, как я была счастлива! Он будет жить, будет работать, читать, смотреть фильмы, слушать музыку! Он будет рядом, со мной! В те минуты мне казалось, что счастливей меня нет на всем белом свете. Да, собственно, так все и есть: он жив, и он со мной. – Мила помолчала, потом через силу продолжила: – А после начались наши мытарства. Пять операций: Германия, Америка, Израиль. Все без толку, муж так и не встал. Конечно, мы продали дом. Деньги, деньги, везде и повсюду. А бизнес... – Нахмурившись, Мила посмотрела в окно. – А бизнес, как часто бывает, у нас отобрали. Все по классическому сериальному сценарию – отобрал партнер и, самое главное, близкий приятель. Воспользовался моментом и, как говорят, отжал. Большого труда это не стоило. Дом продали, а денег все равно не хватало – операции, реабилитации, доктора, переезды, гостиницы. Все стоило колоссальных, неподъемных денег! Тогда мне снились кошмарные сны – я граблю банк, представляете? Я, законопослушный гражданин, не нарушающий правил дорожного движения, граблю банк! Это из подсознания. Верите, я была к этому почти готова! Только чтобы спасти мужа. А как не хотелось продавать дом! Мы оба чуть не плакали. Это же наше детище, наше гордость! К тому же за городом мужу было легче – нам всем было легче! Почти в любую погоду он спал на террасе, на улице. А наш партнер и близкий приятель... Он все время врал. Врал, что деньги вот-вот будут, что он получил хороший заказ. Да не о чем говорить, сплошное вранье. И он оказался подонком, конченной сволочью.

После продажи дома мы переехали в старую московскую квартиру. Нет, она нормальная, слава богу, еще до всего мы успели там сделать ремонт. Но после дома, простора, леса на участке... Вы понимаете.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказала Тамара. – Ты такая... ухоженная, гладкая, ни единой морщинки. Прическа, стрижечка – волосок к волоску! Тряпки – я ж вижу, какие и почему, я же торгашка, разбираюсь! Прислуга, говоришь, помощница – та, для кого рецепт пирожков!

Мила улыбнулась.

– Сейчас оправдаюсь по пунктам. На стрижку я деньги нахожу, да это и недорого – стрижет меня соседка, моя подружка. Лицо гладкое? Это генетика – у моей мамы кожа такая, что молодые завидуют. Одежда? Остатки прежней роскоши. Я люблю классику, а она из моды не выйдет. К тому же вещи брендовые, дорогие, им сносу нет. А про прислугу – как вы ее называете... Так здесь да, удивительно. Нам повезло несказанно – Верочка наша чудесная. Не человек – ангел. Она из Приднестровья, одинокая и бездетная. Работала у нас еще тогда, когда все было

прекрасно. А случилась беда, и она нас не бросила. Хотя я ее упрашивала уйти и найти нормальную, хорошо оплачиваемую работу. Я бы дала ей лучшие рекомендации, мои знакомые ее на части рвали – и умница, и не сплетница, и чистюля, и повариха отменная. Словом, находка!

Но она не ушла, вы представляете? «Людмила Александровна, вас не брошу!» Да какая там прислуга – сестра! Член семьи, дорогой человек, без нее бы мы пропали, не справились. Да что там – если бы не Верочка, меня бы уже просто не было! Ни меня, ни моего мужа.

Все удрученно молчали. «Вот тебе и гладкая, модная, благополучная женщина, – подумала Лиза. – Сколько на свете горя! И Томины проблемы не проблемы, а так, ерунда, – кажется, она и сама об этом задумалась А уж мои!»

– Все, девки! По последней! – Тамара разлила по стаканчикам остатки коньяка. – А ты, Мил, героиня! А с виду не скажешь.

Мила махнула рукой.

– Какая там героиня. Вот Боречка мой настоящий герой! Нет, всякое было – и жить не хотел, и умолял отдать его в пансионат. Уговаривал, чтобы я не губила свою жизнь, просто гнал меня из дома, да и нашу Верочку уговаривал уйти. Дурачок! – улыбнулась Мила и утерла слезу. – Глупый ужасно! Не понимает, что жизнь без него... Да какая там жизнь без него? Я по маме скучаю, а уже через день думаю – скорее бы домой, к своему Борьке, обнять его. В общем, девчонки, я очень счастливая, потому что я жить без него не могу.

Резко встав с места, Мила вышла в проход и пошла к туалету.

Лиза и Тамара молчали.

– Вот такие дела, – тихо сказала Тамара. – А я-то думала, важная такая, неприступная, высокомерная. С гонором, короче. А она? Обалдеть, да? А разу не скажешь.

Лиза кивнула.

Мила вернулась умытая, бледная и очень смущенная своими откровениями. Все чувствовали неловкость. Кажется, даже простоватая Тома была смущена.

– Ну а ты, Лизон? – вдруг встрепенулась Тома. – Чё молчишь, а? Все про нас выведала, все разузнала, а сама в кусты?

От возмущения Лиза почти задохнулась:

– Это я выведала? Это я разузнала? Да я хоть один вопрос задала?

Мила расхохоталась:

– Ох, Тома, Тамара! Ну ты, честное словно, даешь!

– А что, не так? – обиделась Тома. – Я чё, не права? Нечестно! Про нас все узнала, а про себя молчок. Прямо сплошные секреты!

И, обиженно фыркнув, она отвернулась.

– Да какие там секреты, – примирительно улыбнулась Лиза. – У меня вообще все прозрачно! Заурядная, обыкновенная судьба, таких сотни тысяч! Был студенческий брак, очень друг друга любили, но не срослось. Виноваты сами – молодыми были, неопытными. Родили дочку, Маруську. Дочка удачная, живем с ней вдвоем. Папа умер, когда мне было пятнадцать. Мама живет одна, вернее, со своим мужем. Маруська студентка. Ну что, отчиталась? А то во враги меня записали! А мне и вправду рассказывать нечего... Серая у меня судьба, серая, как мышьяная шкурка.

– А в Питер чего? По делам? – не успокаивалась Тамара.

«Вот и ешь чужие пирожки! – усмехнулась Лиза. – Получай!»

– По делам. Наверное, можно и так сказать. Жених там у меня. В смысле, возлюбленный. Замуж зовет. А я все не решаюсь переезжать, жизнь свою резко менять. У меня хорошая работа, мама и дочь. И подруги. Как я без них?

– О себе думай! – хмуро сказала Тамара. – О себе, а не о дочке и о подружках! Замуж зовет. Ни фиги себе, а? Тебе сколько? За сорок? Да нет, выглядишь ты хорошо! Но все же за

сорок! А тут свободный мужик да еще в загс не против пойти. И ты думаешь? Пьет? Или так, выпивает?

Лиза удивилась:

– Пьет? Да нет, не замечен. – Она улыбнулась. – Он вообще положительный, и даже очень! А насчет думаю... Думаю, да. А как мне не думать? Я же не девочка. И мне есть что терять. – Погрустнев, она отвернулась к окну.

Мила дремала, прислонившись к стеклу.

Задремала и Тома, откинувшись на подголовник и приоткрыв рот. Раздался короткий, но громкий всхрап, и Лиза улыбнулась.

«Следующая станция Бологое. Поезд прибывает через десять минут. Стоянка поезда одна минута», – объявили по радио.

Лиза еще раз оглядела новых приятельниц, и одну и вторую.

Готовясь к остановке, поезд замедлил ход. Словно стоя на краю обрыва, словно готовясь к смертельному прыжку, Лиза выпрямила спину и на секунду прикрыла глаза. А потом решительно вскочила. Резким движением стянув свою сумку, она заторопилась к выходу. У двери оглянулась – Мила и Тома по-прежнему спали.

«Ну и отлично! – подумала Лиза. – Так куда проще».

Дверь открылась автоматически, и она вышла в тамбур.

– Выходите? – не скрывая удивления, спросила симпатичная проводница в кокетливой пилотке. – Вы же до Питера?

– А я вот решила... сойти! Точнее – решилась.

Проводница не ответила – мало ли на свете чудных!

Поездишь – такого насмотришься! А эта вроде с виду нормальная, обычная симпатичная тетка. Ехала в Питер – и на тебе, решила сойти! Придурочная, наверное. Ну да бог с ней.

Поезд плавно и мягко остановился, двери открылись.

Лиза легко сошла на перрон, огляделась. На полукруглом бежевом здании вокзала горели белые буквы – «Бологое».

«Бологое, Бологое, Бологое, это где-то между Ленинградом и Москвой», – улыбнулась она и уверенно направилась к зданию вокзала.

Во-первых, очень хотелось кофе, а во-вторых...

Во-вторых, ей показалось, что жизнь только начинается и все еще впереди. И что-то еще непременно должно случиться...

Очень хотелось в это верить.

Гуся

Вошла, как всегда, на цыпочках, тут же одернула себя: идиотка. Подавила вздох, но не смогла подавить тяжелое презрение к себе. Аккуратно сняла плащ и туфли. Туфли поправила, чтобы рядышком, в линейчку. Глянула в зеркало, поправила и без того гладкую голову – строгий, ровный пробор, волосок к волоску, низкий пучок. Высокий лоб. Челка – занавеска глупости. О господи, какая же чушь! Надела тапки и осторожно пошла по бесконечно длинному, темному коридору.

Дверь в комнату свекрови была приоткрыта – ну как же, не дай бог пропустить что-то, не поучаствовать, не отпустить едкие комментарии, не сделать замечания. Ксения Андреевна сидела в любимом кресле и пила чай. Кресло, огромное, глубокое, с высокой и неудобной спинкой, обитое давно потускневшим и потертым шелком, когда-то было малиновым, а теперь бледно-розовым, было громоздким и занимало полкомнаты. Но завести разговор о том, чтобы его поменять, и в голову не приходило. То есть в голову приходило, но решиться завести разговор было невыносимо.

Гуся вообще никогда не заводила разговор первой – хорошо помнила первый, навсегда запомнившийся урок. Сразу после свадьбы, кажется, дня через три, она, совсем юная – только исполнилось восемнадцать, – к тому же безумно влюбленная, и оттого сверкающая и счастливая улыбка не сходила с лица, – влетела в комнату свекрови без стука.

– Ксения Андреевна! Мы хотим поменять диван! Этот совсем неудобный. Утром не разо- гнешься – так болит спина! Думаю, надо купить легкий, типа книжки!

Увидев застывшее, холодное лицо свекрови, тут же замолкла.

– Думаешь? – усмехнулась та. – А ты, детка, не думай! В этом доме думаю я. Ты меня поняла? К тому же диван этот, по твоим словам, неудобный, покупал еще Константин Михайлович. И кстати, мой сын на нем спал и не жаловался.

Гуся застыла, как приклеили. Послушно кивнула и еле слышно пробормотала:

– Да, я все поняла, Ксения Андреевна. – И совсем тихо, как школьница, потупив глаза, прошептала: – Я... больше не буду. Простите.

Свекровь усмехнулась:

– И правильно. Больше не надо.

Гуся на дрожащих ногах выползла из ее комнаты – бочком, бочком, по стеночке, как застигнутая на воровстве прислуга. В комнате зарыдала. Ах как упоенно она рыдала, размазы- вая слезы по бледному, несчастному лицу!

Молодой муж гладил ее по голове и шептал:

– Ну что поделаешь, Ирочка? Человек она сложный, авторитарный. Диктатор! Все по ее, и не дай бог возразить – сразу запишут в смертельные враги. И папа с ней... мучился. И мне непросто. Но она моя мать, Ира, ты понимаешь?

– Я ей не возражала, – всхлипнула Гуся. – Я сразу со всем согласилась, попросила про- щения и тут же исчезла.

– Ну и умница, – обрадовался муж. – С ней только так! Я очень тебе сочувствую, милая! Но хозяйка здесь она, извини! Жить с ней сложно, порою невыносимо. Но и оставить ее я не могу. И изменить мы ничего не можем, понимаешь? Мы не можем уйти! Не можем, – с напором повторил он, – по многим причинам. Так что выход один – приспособиться. Приноровиться, не обращать внимания, прощать и не обижаться. Она пожилой и больной человек. Самое главное – не вступать в дискуссии! Это главное, Ира! И если ты это запомнишь, все будет прекрасно.

Но уверенности в голосе мужа Гуся не услышала.

Ничего прекрасного не произошло. Нет, мужа она любила преданно и горячо, хотя и характер у него был не сахар, и человеком он был непростым, но приспособились, прижи-

лись. Как все говорили, характер у Гуси был золотой: невредная, покладистая, жалостливая, сочувствующая, доброжелательная, готовая тут же прийти на помощь, поделиться последним рублем, ненавидящая сплетни и скандалы, не вступающая в спор, скромная до смешного. Ей ничего было не надо, она уверенно считала, что у нее все есть. Робкая и деликатная. Тихая книжная девочка, не умеющая за себя постоять. Не научили, мама и папа были такими же.

Гусю любили везде – в школе, где она, круглая отличница, всегда давала списать даже самым отпетым лентяям и двоечникам. В институте, где была старостой, которая никого не заложит, а даже прикроет. На картошке, где она, как начальник бригады (кому, кроме Гусельниковой, можно доверить сложную бухгалтерию?), приписывала часы, понимая, что работать по колено в размытой глине под проливным дождем, к тому же в девять градусов по Цельсию, невыносимо. Она же, Ирка Гусельникова, не дождавшись фельдшера из района (дороги размыты, машины, как всегда, нет), лечила всех заболевших – дочка врачей, она привезла целую сумку лекарств, тщательно собранную любимым папой.

Маленькая, хилая, тоненькая, как веточка, с глазами в пол-лица, остреньким подбородком сердечком, с короткими бровками домиком, тонкой и длинной шейкой, похожая на восьмиклассницу, она никогда не жаловалась и не капризничала. И уж точно не ныла.

Как ни странно, подружились они с Ясей Волковой, самой яркой, самой красивой и самой бойкой в их классе. Яся, дочь известной портнихи, была большой модницей. Яся жила вдвоем с мамой, и их уклад отличался от уклада Гусиной семьи, как небо отличается от земли, а лед от огня.

Впервые попав в этот красивый, хлебосольный и безалаберный дом, Ира Гусельникова обалдела. Ясина мама, красавица и хохмачка, покачивая широкими бедрами, рассказывала такие истории, что Гуся краснела и терялась. Про анекдоты и говорить нечего – Ядвига Стефановна позволяла себе такое! В отдельной квартире было три комнаты – Яськина, Яди (да, да, именно так подруга обращалась к матери!) и швейка – комната, где Ядвига принимала клиентов. Беспорядок царил и властвовал – казалось, этот дом никогда не знал уборки. На кухне все время перекипал кофе, и горький запах подгорелой черной жижи витал по квартире. На столе стояли коробки с конфетами и пирожными – бери не хочу. Холодильник ломился от банок с икрой, деликатесных рыб, колбас, ветчины и сыров. На столе вечные крошки, которые небрежно стряхивались на пол – стол не вытирался. Зачем? Повсюду стояли вазы с цветами, подсохшими или засохшими, и с новыми, свежими, – цветы от клиентов и поклонников Яди.

Поклонников у Яди было море. Веселая, яркая, остроумная, уверенная в себе, ничего ни от кого не ждущая и не требующая, не думающая о замужестве – не дай бог, девочки! Я обожаю свободу! К тому же красавица – синеглазая, темноволосяя, чернобровая, с большой, пышной, явно выставленной напоказ грудью, тонкой талией и широкими бедрами, длинноногая, статная – просто Софи Лорен, ей-богу, не хуже!

Смеясь, Яся рассказывала про любовников матери. Звучали фамилии, назывались должности – генерал, актер, космонавт, архитектор, режиссер.

Гуся удивлялась и не очень верила – неужели все это правда? А с чего бы не верить, когда горы цветов, подарков и прочих знаков внимания?

Ее потрясали отношение матери и дочери – те общались как подружки. И Яся, и Ядя могли говорить обо всем, секретов друг от друга не было. Гуся слушала их разговоры и замирала от восторга – так разве бывает?

Нет, подружке она не завидовала, потому что обожала родителей и считала себя очень счастливой. Гусина мама работала рентгенологом в ведомственной военной поликлинике. Папа в больнице, в отделении неврологии. Оба были тихими, скромными до неприличия и зажатými людьми, старались обходиться малым. Попросить, одолжиться, обратиться за чем-либо было для них настоящей драмой. При этом они были похожи, как брат с сестрой, – думали одинаково, поступали одинаково и даже страдали тоже одинаково. Еще они были похожи на

перепуганных и встревоженных птиц под прицелом птицелова – мелкие, худощавые, с испуганным и напряженным выражением лиц.

Чего они опасались? Позже поняла – и мамины, и папины отцы были репрессированы по пятьдесят восьмой. Обоих дедов расстреляли. Страх и испуг навсегда поселились в крови, как бактерия, как вирус – неизлечимый и страшный.

Розенберги, вся мамина большая семья, все девять человек, пропали в Бабьем Яру. Гусельниковы, папины родственники, два брата и дядя, не вернулись с войны. С матерью и младшей сестрой девятилетний папа добрался до Урала. Сестра, заболевшая тифом, там и умерла. Все, что осталось от трехлетней Ирочки Гусельниковой, – низкий холмик мерзлой земли, украшенный еловой веткой, на станции Вязовая. Гусю и назвали в память об умершей маленькой Ирочке.

Репрессии, война и эвакуация были не забыты – о них не говорили, но помнили всегда.

Друзей у Гусельниковых было немного, две пары. Мамина одноклассница Маля Смирнова с мужем Сережей и папин школьный друг Боря Незванов с женой Машенькой. Такие же скромные, негромкие, славные люди, тоже врачи.

Даже с соседями по коммуналке Гусельниковы почти не общались – «доброе утро, спокойной ночи, извините, можно я займу одну конфорку, вам не нужна в данный момент раковина, я могу вымыть посуду?» Не из высокомерия, нет – Гусельниковы и высокомерие! Из скромности и смущения, страха помешать, лишний раз потревожить.

Конечно, соседи считали их чудачками, посмеивались над ними, но втихаря: врачи в квартире большая удача. К тому же Гусельниковы никому не отказывали, не те они люди.

Квартира на Большой Бронной была большой и темноватой, всеми окнами в круглый и гулкий двор. Огромная, в три окна, кухня, длинный коридор, увешанный санками, велосипедами, древними, давно прохудившимися корытами и тазами и прочей, давно никому не нужной чепухой. Но почему-то ничего не выбрасывалось. Маленькая Гуся каталась по коридору на трехколесном велосипеде. Жили дружно, несмотря на то что все были разными – по происхождению, образованию, отношению к жизни. Да и в материальном плане жили все одинаково, завидовать нечему. В квартире разместились скромные интеллигенты врачи Гусельниковы, бухгалтер Нина Васильевна, женщина одинокая, очень ухоженная, с гордым нравом и сильным характером, которая пользовалась у жильцов безусловным авторитетом. Художница Нара, Нарышка, черноглазая и красивая девушка, скучающая по родине и теплу. Баба Катя, старожил и ворчунья, плаксивая и добрая, страдающая за пьющего и непутевого сына Генку. Парикмахер Галочка, мечтавшая выйти за военного, по словам Нины Васильевны, невеста без места. «Почему без места, – не понимала маленькая Ира. – У Галочки же есть комната». Тихая, молчаливая пенсионерка Вера Павловна, бывший учитель истории, почти незаметная, но никогда не отказывавшая, если надо прийти на помощь. Вредные Прянишниковы: муж мясник и жена продавщица, жадные, вредные сплетники, их не любили. Безнадежно влюбленный в Нину Васильевну тихо пьющий отставник Семенов. Если надо было что-то прибить или повесить – это к нему. И старушка Фадеева, всегда в черном платке и темном платье, похожая на запеченую, по словам все той же Нины Васильевны, мыш. Старушка ни с кем не общалась, но и вреда от нее не было. Ходили слухи, что в войну она потеряла троих сыновей.

За год до Гусиного замужества в квартире освободилась крошечная девятиметровая комнатка с маленьким, полуслепым окошком во двор – скончалась тихая старушка Фадеева. Конечно, пошли разговоры, шушуканья и сплетни – кому? Кому достанется это сокровище? И странное дело – довольно быстро и почти без споров все согласились, что комнатка должна достаться Гусельниковым, в обсуждениях не участвовавших – как можно рассчитывать и претендовать на чужое? Соседи, неожиданно проявив благородство, настаивали: «Комната у вас двенадцать метров, Ирочка взрослая, спит на раскладушке, в ближайшее время наверняка выйдет замуж, и что? Тоже к вам? Ну уж нет, по справедливости вам, и только вам!» Перепуганные

и растерянные, Гусельниковы в ужасе переглядывались: «Нет, что вы, что вы! А Прянишниковы? У них же двое детей!» Прянишниковым? Еще чего! – Галька Прянишникова сплетница и скандалистка, а ее Васька грубиян и алкаш, перебьются! В общем, собрали подписи, написали петицию и отправились в ЖЭК.

Через три месяца – как же, рассмотрение вопроса! – старушкина комнатка досталась Гусельниковым. Конечно, все были счастливы, но особенно Гуся: своя собственная комната, кто ожидал?

Раскладушку убрали на антресоли, купили диван, шаткий, тонконогий журнальный столик и три чешские книжные полки – не по благу, а совершенно случайно, просто сказочно повезло. Занималась она на подоконнике, мраморном, широченном, занимавшем полкомнаты.

Соседка Нина Васильевна, рукодельница, женщина с отменным вкусом, пошла на новоселье роскошный шелковый абажур нежно-салатного цвета, а из остатков ткани вышли и занавесочки, короткие, по подоконник, но длиннее не надо. Нариска, чудная, милая, черноглазая, привезла из Еревана прикроватный коврик, яркий и пестрый, украсивший комнату. «Как у меня уютно! – думала счастливая Гуся, засыпая на новом диване. – Как же мне повезло!»

Кстати, через год, когда замужняя Гуся покинула родную квартиру, родители заволновались и принялись убеждать соседей, что по справедливости комнату лучше отдать – как смотреть людям в глаза? Иришка ушла к мужу, да к тому же в отдельную, собственную квартиру! Несправедливо. Пусть уж Прянишниковым, бог с ними... Нина Васильевна и Наринэ устроили тихий, чтобы никто не слышал, скандал:

– Вы сумасшедшие! Кто ж отдает свое? Да и вообще – мало ли что? А вдруг... – Нина Васильевна запнулась. – Вдруг Иришка... вернется? Ну бывает же, что не складывается?

Перепуганные родители переглянулись: как такое возможно, какое вернется? Да и зачем? Она же вышла замуж!

Соседки переглянулись.

Но вскоре дебаты закончились, Гусельниковы смирились и замолчали – только неловкость никуда не делась, особенно когда в коридоре или на кухне встречались с Прянишниковыми. Но потихоньку справились и успокоились.

Идти в медицину Иру не уговаривали – профессия сложная, здесь точно нужно призвание. Врач и учитель – те профессии, в которых без призвания никак! А призвания у Иры не было. Совсем. И потому родители без всяких возражений, спокойно восприняли ее выбор – иняз. К тому же у девочки были явные способности к языкам.

Яся о высшем не думала – еще чего, корпеть пять лет. Она мечтала о работе в Интуристе, с иностранцами. «Найду себе кого-нибудь посимпатичнее и свалю в старушку-Европу! А что, английский я знаю!» Устроиться в Интурист было непросто, но не для Волковых.

Словом, у Яски были планы на будущее. А когда есть план, то знаешь, как действовать. Будущее Иры Гусельниковой было туманным – переводы, школа, преподавание в вузе? Как выйдет. Борьба за место под солнцем она, дочь своих родителей, не умела и не хотела.

Яся купалась в романах. Влюблялась и разлюбляла так быстро, что Гуся не успевала переживать. Вскоре Яся влюбилась в женатого. Знала об этом только Ира Гусельникова – это был первый случай, когда Яся не поделилась любовной историей с матерью. Еще бы – возлюбленный Яси был мужем очень важной Ядвигиной клиентки.

– Если все вскрыется, будет страшный, дикий скандал! – делая огромные глаза, шептала влюбленная Яся.

Но больше пугалась и переживала бедная Гуся. Яся делилась такими подробностями, от которых Гуся покрывалась холодным потом. Ей очень хотелось крикнуть: «Яська! Я тебя умоляю, не надо! Я не могу это вынести!» Но, как всегда, постеснялась. Решила: «Буду терпеть. Раз Яська делится – значит, так надо».

На втором курсе она познакомилась с Юрой. Юрой, Юрочкой, Юрасиком – и тут же безоглядно влюбилась. Юрий Репнин был студентом последнего курса сценарного факультета театрального института. Гений – в этом Гуся не сомневалась, других туда не берут.

– Юноша бледный со взором горящим, – хмыкнула Яся. – Ой, Гусь, мне кажется, он неврастеник.

Гуся так и не поняла почему. Но переспросить, как всегда, не решилась.

Юра и вправду был истонченным и утонченным – словом, истинный аристократ. Бледное лицо, горящие глаза, тонкие, изящные пальцы – дворянские корни чувствовались, читались. Больше ни о чем Гуся не задумывалась – ей было недосуг. Ее полностью захватила любовь.

В том, что ее Юрочка гений, она не сомневалась – весь его вид говорил об этом: отстраненный от всего мирского, с застывшей мукой на красивом тонком лице, он был не похож на всех остальных – другой, недостижимый и космический. Он поделился с ней, что пишет сценарий – такого в драматургии еще никогда не было. На резонный вопрос о чем он обиделся. Гуся не поняла почему, но больше подобных вопросов решила не задавать – Юре виднее. Наверное, творческим людям нельзя задавать такие вопросы. Этим людям надо просто любить и поддерживать, лелеять и холить, принимать такими, какие они есть – странными, отдаленными, не интересующимися мелким, пустяшным и бытовым. Эти вопросы за них решают другие. И роли быстро распределились: Юра творит, а Ира ему служит и потакает. Во всем.

И все было бы ничего, со всем можно бы было справиться, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство звалось Ксенией Андреевной и проживало в одной с ними квартире. Све-кровь, надменная, холодная, с брезгливым выражением все еще красивого, породистого лица, была дамой дворянских кровей – об этом говорила сама фамилия.

Яська, умница Яська, увидев старуху, горько вздохнула:

– Ну ты, Гуся, влипла. Мало тебе Юрика, а тут еще эта! Вали, пока не поздно, – схарчат и не подавятся!

Гуся страшно обиделась. Страшно. Полгода Яське не звонила. И та не звонила – наверняка очередная любовная история. Кстати, окончив курсы при МИДе, Яська работала, как и планировалось, в Интуристе. Говорила, что устает страшно – работать с людьми, да еще с иностранцами! Целый день трещишь на чужом языке, все время что-то молотишь и все с непрменной улыбкой, от которой к концу дня сводит скулы, мотаешься на автобусе, размещаешь, устраиваешь, распределяешь – ни одной свободной минуты. Не то что поесть – перекурить некогда. Пару затяжек – и все, на галеры. Но Гуся видела: кокетничает, явно кокетничает. Все ей нравится, и даже очень.

– А что женихи? – осторожно спросила Гуся.

Подруга досадливо хмыкнула:

– Да все при своих самоварах! В одиночестве никто, Гусь, не путешествует. Кажется, я прокололась. Но будем надеяться! – тут же рассмеялась она. – Надеяться, верить и ждать! Ждать свою птицу завтрашнего дня! Может, выберет меня, – погрустнела подруга.

После диплома Гуся оказалась в патентном бюро на должности переводчика. Работы было немного, но приходилось корпеть со словарями – технические переводы дело нелегкое, к тому же малоинтересное. Платили копейки. Радовалась, когда приплывала халтура, – деньги, ура!

Денег всегда не хватало. Юра ничего не зарабатывал. Ни-че-го. «Все еще впереди», – уговаривала себя Гуся, берясь за очередную халтуру. Вскоре повезло – ушла в декрет коллега, и она выпросила еще полставки. Как же она была счастлива! С работы притаскивалась поздно, страшно усталая – дорога неблизкая, по пути магазины, а вечером дом и хозяйство. Но самое страшное – магазины. В очередях перед давкой, напором и наглостью – а без этого никак – бедная Гуся терялась, застывая в полнейшем столбняке. Влезть без очереди, хватануть из рук она не умела.

Смиренно вставала в очередь и, чтобы отвлечься, читала стихи.

Помогало – время бежало быстрее.

Если, не дай бог, Гуся задерживалась, Ксения Андреевна недовольно ей выговаривала:

– Где тебя мотало? Юра голодный, а у меня сахар наверняка взлетел до небес! Ужинать полагается в семь, а не в девять!

– Я стояла за карпом, – оправдывалась Гуся. – Юрочка любит рыбу.

Не передохнув, натягивала фартук и принималась чистить еще шевелящуюся склизкую рыбину. Тошнило. Рыбу она ненавидела, а полуживую просто боялась. Свекровь хлопала дверью: запах жареной рыбы она не переносила, а вот саму рыбу любила – такой парадокс. Муж выползал из кабинета хмурый, усталый и раздраженный. Ужин проходил в полнейшем молчании.

Едва сказав спасибо, Юра быстро уходил к себе. Свекровь напоминала, что тарелки надо протереть лимоном – иначе останется запах.

Чтобы не связываться, Гуся кивала. Как же, с лимоном! Сейчас! Позавчера отстояла за заморскими цитрусами сорок минут, еле дошла до дома – на дворе слякоть, ноги промокли насквозь. Сапоги текли второй год, сколько ни латай, бесполезно.

Нет, с мужем все было прекрасно. Если бы не свекровь... Хотя про «прекрасно» это небольшое – как бы сказать – преувеличение.

Юрина раздражительность в первую очередь распространялась на Гусю. Матери он побаивался, прикрываясь тем, что больную *матушку* – он называл ее именно так – надо жалеть и оберегать от неприятностей.

Как только заплаканная Гуся пыталась начать разговор, чтобы получить хотя бы крошечную дозу сочувствия, лицо мужа перекашивалось от гримасы страдания:

– Ира, я тебя умоляю! Мне и так сложно! А тут еще ты!

Не «вы», не «она», а именно «ты» – это было самым обидным.

– Ты же знаешь, я не то что не начну – никогда не отвечу. Никогда! – плакала Гуся. – Прости, но твоя мать – натуральный провокатор!

Муж махал руками и умолял замолчать. Сакраментальная фраза «Она моя мать» захлопывала, как дверь сквозняком, любые разговоры на эту тему.

«Твоя, но не моя! – думала Гуся. – И вообще, в чем я провинилась?»

Юрик после таких разговоров убежал и закрывался в своей комнате. Ксения Андреевна громко и демонстративно стонала. По дому витал густой запах капель Вотчала. «Через полчаса начнется приступ, – отмечала про себя Гуся. – Как пить дать начнется. Разве она пропустит повод сделать меня виноватой? Ну и черт с ней, даже не выйду, пусть разбираются сами».

Но все же выходила после того, как вбегал Юрик и, глядя на нее полубезумными глазами, упрекал:

– Как же ты можешь! У матушки «Скорая», а ты тут лежишь!

Вставала и шла в комнату свекрови. А куда денешься?

Лежа на высоко взбитых подушках, с привычным скорбным выражением на лице, Ксения Андреевна изображала страдания.

– Уважаемая, что у вас болит? – настаивал врач «Скорой помощи». – На что жалуетесь?

Мадам надевала презрительную гримасу и тут же выдавала, как из пулемета:

– Вы врач, вот и ставьте диагноз! На что жалуюсь? На сердце! И на все остальное! Я умираю, вы что, не видите?

Со вздохом бедолага принимался делать укол или кардиограмму – с такими лучше не связываться. Манипулятор и старая стерва, здесь все понятно, накатает такую петицию, что вмиг с работы попрут.

Очень быстро все врачи на подстанции стали завсегдатаями в доме Репниных и принялись Гусе сочувствовать.

– Сделал снотворное, спать будет до вечера! – шептал в коридоре знакомый доктор. – А вы, милая... Вам бы тоже поспать. Всю ночь, говорите, устраивала концерты? Бедная вы, бедная! Старуха – вампир. На вас лица нет, девушка! Может, и вам успокоительное?

Старуха и вправду спала до вечера: из-за неплотно закрытой двери – а вдруг матушке что-то понадобится? – разносился богатырский храп бедной старушки.

Сценарии мужа по-прежнему отклоняли. Мерзавцами были объявлены все – и худсовет киностудий, и коллеги. Кругом были завистники и враги. Гуся думала: «Ей-богу, ну разве могут все быть подлецами, мерзавцами и завистниками?»

И, кстати, довольно скоро в творениях дорогого супруга и вовсе разочаровалась. Нет там никакого прорыва и нового слова! Да и вообще, если честно, все довольно банально. Такое она читала и видела сто раз – любовь, измена, производственные конфликты, предательство.

Все правильно, вечные темы, и именно вокруг них вертится мир. Но все же талант – это что-то другое. Гуся задумалась над формулировкой: талант – это то, что отличает банальность от настоящего. Талант цепляет за душу, заставляет сопереживать, гневаться, радоваться, восторгаться.

А здесь было пусто. Гуся жалела мужа. Неудачник, верящий в свою гениальность, – что может быть хуже? Это и есть самое страшное – невозможность себя оценить. В институт его взяли по паре публикаций в журналах – они действительно были неплохи. К тому же пригодились старые старухины связи – их у нее было немало. Но боже мой, пока ты еще молод, можно же что-то поменять, в конце концов найти другую профессию и перестать ненавидеть весь мир. Но разве такое мыслимо произнести вслух? Поняв это, Гуся еще больше стала жалеть мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.